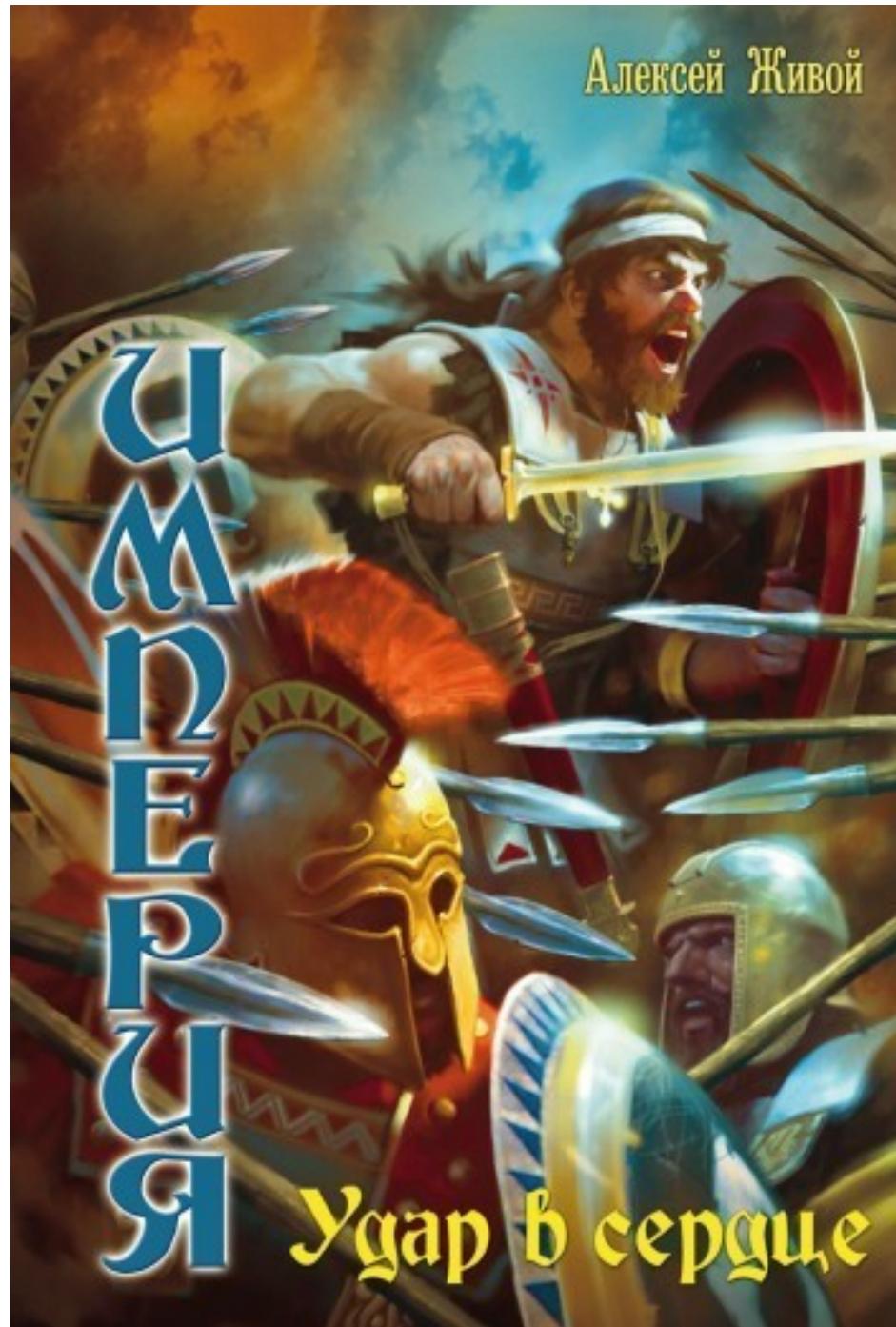

Алексей Живой

ЧМРЕРЧЯ

Удар в сердце

Империя

Алексей Живой

Удар в сердце

«Автор»

2010

Живой А.

Удар в сердце / А. Живой — «Автор», 2010 — (Империя)

Одержав победу при Фермопилах и остановив персидские полчища у Дельфийских проходов, спартанцы лишь отсрочили жестокую месть царя царей. Их мужество еще способно удержать натиск варваров. Но, отбивая все новые атаки, Леонид понимает: чтобы победить в неравной борьбе, ему не обойтись без мощного оружия, секрет которого боги даровали Гисандру. И вот уже Тарас плывет назад в Спарту, чтобы создать там новые баллисты, взамен утраченных, и вернуться, пока еще не все потеряно. Тем временем Ксеркс, взбешенный столь длительным сопротивлением ничтожной горстки греков, высаживает у них в тылу огромный десант. Тысячи персов, сойдя с кораблей, подступают к столице Аттики, желая отомстить за победу при Марафоне. И Ксеркс уже близок к своей цели. Пылают древние Афины, рушится греческий мир. Но у него еще есть надежда, пока жив хоть один спартанец...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Живой

Удар в сердце

Глава первая

Два приказа

Уже прошло почти полдня, как они миновали Навпакт по правому борту, а по левому тянулся холмистый берег Ахайи, переходящий невдалеке от побережья в настоящие горы. Над вершинами гор висели кучевые облака. Это было самое узкое место пролива между берегами Пелопоннеса и Средней Греции. Здесь они подходили друг к другу так близко, что можно было рассмотреть даже небольшие поселения. В хорошую погоду, разумеется, а она едва успела установиться.

Впечатления от вчерашнего шторма еще не углеглись в душе Тараса. Однако не о своей жизни волновался молодой спартанец и даже не о том, что мог и не вернуться домой, отправившись вместо этого на корм рыбам по воле Посейдона. Больше всего Гисандр переживал насчет груза, которым был заполнен трюм его судна, продвигавшегося вперед благодаря ритмичным взмахам весел. Но Посейдон пощадил их. Все обошлось. Пока.

— Скоро должны показаться Патры, — проговорил Клеандр, который неотрывно всматривался в проплывавшие мимо берега Ахайи.

По его тону нельзя было понять, задумал ли пифий царя Леонида сделать здесь остановку. И хотя плавание предстояло довольно долгое, до восточного берега самой Спарты, запасов у них еще было предостаточно, а корабль не слишком сильно пострадал во вчерашнем шторме. Так, унесло пару весел, да обломало на корме часть заграждений. На ход это не повлияло, а больших пробоин, к счастью, не имелось. В целом бирема — так Тарас по привычке называл свое судно — была в полном порядке. Надежный боевой корабль с двумя рядами весел, хотя и без тарана.

Это было судно, на котором он уже однажды совершил плавание по тем же самым водам. Правда, в прошлый раз так и не добрался до места назначения. Помешали события, из-за которых пришлось вернуться в лагерь царя у самых Дельф. И вот теперь путешествие в Спарту начиналось опять.

Гисандр со своими верными людьми из отряда «спецназначения» также ночью тайно покинул Дельфы и, ведомый Клеандром, на рассвете следующего дня прибыл в портовый городок Кирру. Однако на этот раз Тарасу было приказано доставить туда целый конвой из трех телег. На каждой из них, под накидками из грубой кожи, покоилось по массивному ящику, содержание которых Гисандру было неизвестно. Хотя догадки, конечно, были.

Стража фокидян, разбуженная на рассвете, благосклонно отнеслась к прибывшим спартанцам, особенно после того как Клеандр немного облегчил свой кошелек. Единственным, кто вызвал у них подозрения, почему-то был врачеватель Темпей. Но и тут они ограничились лишь строгими взглядами, оставив в покое его потрепанную жизнью фигуру. Погрузив ящики на корабль, посланцы царя Леонида немедленно отплыли, оставив позади просыпавшийся портовый город с его непривычными для спартанцев мощными крепостными стенами и дорогими домами граждан. На родине Гисандра все жили скромнее, даже цари. А здесь богатство не порицалось, и простой купец мог выстроить себе каменный особняк в несколько этажей.

Несмотря на ранний час, город был полон народа, и на рынке уже шла бойкая торговля. У пристани Кирры стояло множество кораблей, а еще целая дюжина приближалась к берегу с товарами со всех концов Греции, ничуть не смущаясь тем, что персы были уже в двух шагах.

Войнавойной, а торговля должна идти. Видимо, так рассуждали торговцы. У Гисандра же были другие планы. Он-то как раз думал только о войне и о том, что должно произойти в ближайшее время. Тем более после того, что поведал ему царь Леонид, совершенно ошеломив и озадачив Гисандра.

Город, стоявший на берегу Коринфского залива, давно остался позади, как и штурмившее море. Вскоре берега должны были разойтись, если верить капитану, а Пелопоннес вновь исчезнуть из вида. К вечеру они могли оказаться в открытом море, миновав по пути группу островов. Это был Закинф, близкий к Пелопоннесу остров, словно откололившийся от берегов Элиды. А чуть в стороне к северу, еще два крупных куска суши – Кефаллении и Итака. Позади этих островов плескались уже свободно воды Ионического моря.

Тарас предполагал, что они пойдут самым простым курсом, вдоль Пелопоннеса, чтобы быстрее достигнуть берегов Мессении, но на этот раз курс прокладывал не капитан, а Клеандр, которому царь приказал вновь сопровождать молодого спартанца. Леонид, как оказалось, придавал этому плаванию большое значение. Очень большое. Можно сказать, стратегическое. А потому, когда судно с ценным грузом, о котором никто не должен был знать, попало в шторм, Клеандр – низкорослый поджарый грек с жидккой бородой, – казалось, едва не поседел.

«Что же мы такое везем? – подумал Тарас, скользнув взглядом по напряженному лицу своего недавнего проводника, а теперь, считай, командира. – Не иначе золотой запас Леонида. Зуб даю, что в этих ящиках золото или какие-нибудь тайные оракулы Аполлона, о которых знать никому не стоит. То-то благочестивый Эврип волновался, когда мы их забирали из храма. Политика во все времена дело темное».

– Гисандр, мы не будем вставать на стоянку в Патрах, – менторским тоном, словно выступая перед Апеллой, изрек наконец пифий, обернувшись к Тарасу, – царь хочет, чтобы мы поспешили.

– А разве мы не спешим в Спарту? – удивился Гисандр, слегка обернувшись в сторону гребцов, налегавших на весла изо всех сил, и заметив у борта Темпея, который с интересом наблюдал за волнами. – И все же с нашим грузом идти ночью опасно. Шторм может повториться. Не лучше ли зайти в какой-нибудь порт?

– Ты прав, воля богов изменчива, – кивнул Клеандр, не поворачивая головы, – но я уверен, они на нашей стороне. Ведь прошлой ночью Посейдон мог утопить нас одним ударом молнии, но не утопил. Значит, он помогает посланцам Леонида.

«Логично, – подумал Тарас, мысленно усмехнувшись, – и не подкопаешься. Насчет толкования воли богов спартанские цари и их пифии не знают себе равных. Кого угодно убедят в том, что им нужно».

– Пойду проверю, как закреплены ящики, – ответил Гисандр тем же тоном, чтобы позлить своего провожатого, тайной властью которого он с некоторых пор немного тяготился, – может, повредилось что во время шторма.

При этих словах пифий царя вздрогнул, хотя и сам осматривал ящики сегодня на рас-свете, но больше ничего не сказал. А Тарас, поправив ножны меча, направился к трюму. Отверстие, накрытое тентом, находилось посередине палубы. Ловко пробираясь между скамейками гребцов, что сидели вдоль борта, орудуя длинными веслами, спартанец добрался до трюма и, скользнув по лестнице, оказался внизу. Здесь стоял смоляной запах, к которому примешивался еще и затхло-соленый дух гнилых бревен, словно на корабле перевозили квашенную капусту. Гребцы второго яруса, также умело вращавшие веслами, настороженно поглядывали со своих скамеек на командира спартанцев, который пробирался мимо них по сваленным на палубе в кучу канатам и бочкам в сторону кормы.

Там, в полумраке, заботливо прикрытые кожаными накидками и грубой материей, – Клеандр считал, что этому грузу нечего мозолить глаза даже гребцам, – лежали три массивных деревянных ящика, обитые для прочности медными полосами. Добравшись до цели, Тарас

осторожно откинул угол ближайшей накидки и воззрился на блеснувший тусклым светом угол ящика. Провел по его крышке. Работа была добротная, выдержит даже несколько ударов топора. А уж сколько они весили, можно было только догадываться. Периеки Тараса, которым было поручено в качестве особой чести загрузить сначала на телеги, а потом и сюда эти ящики, едва не умерли от натуги. Но использовать рабов Леонид наотрез отказался. Да и на подручных Гисандра смотрел с открытым недоверием – слишком уж дело было важное. Но согласился, значит, никого из других спартанцев не хотел посвящать в это дело. Та ночь, которой его неожиданно вызвал к себе Леонид, до сих пор стояла у него перед глазами.

– Сколько людей у тебя выжило после атаки персов, Гисандр? – вместо приветствия спросил царь, когда Тарас, бесцеремонно разбуженный его посланцем, оказался в шатре, освещенном лишь светом тусклого факела.

– Двенадцать человек, – ответил заспанный Тарас, еще не понимая, к чему клонит Леонид.

– Возьми всех и жди меня вместе с ними у нижней границы лагеря, – приказал царь спартанцев, – Клеандр встретит тебя там.

– Я должен уже выступать в Спарту? – поинтересовался Тарас, немного удивленный тем, что царь изменил планы и заставляет его отправиться в путь на день раньше. Обычно он так не поступал.

– Да… почти, – нехотя пояснил Леонид, скрестив руки на груди, – но, перед тем, как ты отправишься в Спарту, мы сначала посетим один храм в Дельфах. Я должен пообщаться со жрецами.

«Я даже догадываюсь какой», – мысленно закончил за него Тарас, который, впрочем, пока не понял, зачем царю понадобилось немедленно посетить храм Аполлона, но уточнять не стал, – быть может, он хочет принести новые жертвы на рассвете именно в главном святилище? – В конце концов, мое дело маленькое – выполнять приказы. Да вскоре все само собой прояснится».

Вернувшись к месту своего прерванного сна, – спал он прямо на большом камне, подстелив лишь алый плащ, – Тарас разбудил своих иловотов, которым удалось поспать немногим дольше, и в кромешной темноте направился вниз по дороге, огибавшей уступы. Когда лагерь спартанцев остался за спиной, он заметил у скалы в лунном свете несколько фигур, одна из которых ему была знакома. Приблизившись, Тарас поприветствовал царского пифия и с удивлением заметил на дороге несколько телег, в которые были запряжены напоминавшие мулов животные. Рядом дожидались команды возничие. Четверо незнакомых периеков и больше никого. Тарасу подумалось, что в этом предприятии царь явно не доверял своему окружению, предпочитая использовать непосвященных людей. Причины для этого могли быть разные. «Свидетели долго не живут, – отчего-то вспомнил невеселую мысль Тарас и тут же попытался вытеснить ее более позитивной, – но зато за хорошую службу, пусть и тайную, хозяева могут щедро наградить».

– Мы заберем с собой какой-то груз? – не удержался от «невинного», как ему показалось, вопроса Тарас. Однако строгий взгляд и блеснувшие тихим гневом глаза Клеандра напомнили ему о необходимости знать свое место.

– Царь сам тебе все расскажет, – все же пояснил он, запахиваясь в плащ, – если захочет.

И махнув рукой в сторону дельфийской долины, добавил шепотом, словно боялся, что их подслушивают:

– Пора идти, на рассвете нас ждут.

Кто и где их ждет, Тарас на этот раз не стал уточнять. Воздержался от ненужных расспросов, видя, как раздражают они пифия, да и самого Леонида, не привыкшего к демагогии, так любимой афинянами. Вероятно, речь шла о самом царе, которого здесь не было. «Наверное,

он уже отправился вперед раньше нас, – решил Тарас, поправляя шлем, – конспирация. Не хочет, чтобы нас видели вместе. Значит, дело действительно важное. Ох уж мне эти тайны».

Отряд из трех телег под охраной гастрафетчиков, среди которых были проверенные бойцы – Никомед, Мегаклид, Этокл, Бриант и другие, – устремился вниз, глухо громыхая колесами по камням горной дороги. В кромешной тьме они достигли и миновали посты спартанцев на «второй линии» обороны. Затем спустились в низину, где стояли главные лагеря спартанской армии Леонида и афинских гоплитов, посланных сюда Фемистоклом. Тарас, знаяший ситуацию изнутри, опасался трений с афинянами, которые стояли чуть выше, на склоне холма, перекрывая пути отступления из Дельф, но этот вопрос предстояло решить позже. Сначала они должны были успеть в расчетное время на встречу с царем в неизвестном месте, куда вел их сейчас Клеандр, вышагивая перед повозками.

Впрочем, когда небольшой конвой под охраной периеков углубился в опустевший город, а затем, миновав каменные улицы и дома, вновь выехал на проселочную дорогу, Тарас понял, что не ошибся в догадках. Он проследил взглядом за петлявшей по отрогам скалы дорогой, постепенно превращавшейся в широкую тропу, и не слишком удивился, увидев на ее верхней оконечности храм Аполлона. Главную святыню греков. Центр мира, где по преданию встретились два орла, отпущеные Зевсом в разные стороны, чтобы облететь Землю.

Когда они были еще у подножия горы, склоны которой поросли оливковыми рощами, солнце начало свой путь по небосводу, и мрак стал быстро растворяться под его лучами. Время от времени Гисандр, посматривая по сторонам, окриками подгонял своих солдат, среди которых было несколько илотов. Повсюду вдоль дороги виднелись расселины, из которых часто поднимался пар – дыхание горячих источников. Он сам не видел, но другие спартанцы рассказывали, что вокруг них обычно собирались верующие, чтобы омыться перед тем, как посетить храма Аполлона. Судя по утоптанной траве вокруг источников, в Греции было немало желающих узнать свою судьбу у Оракула. Сейчас, однако, здесь было пустынно, словно все жители Дельф покинули эти святые места, больше не надеясь на помощь Аполлона.

Глядя на молчаливую спину Клеандра, Тарас так и подмывало уточнить, прямиком ли в храм Аполлона они направляются, поскольку по дороге было еще несколько священных мест. Однако он сдержался, а спустя пару стадий, когда они прошли по самому краю пропасти, поднявшись на такую высоту, откуда был виден весь город и оба военных лагеря, все и так стало ясно. Других храмов здесь больше не было. Путникам оставалось лишь обогнуть еще два отрога, миновать Кастальский источник и оказаться на священной территории храма, устроенного жрецами на том самом месте, где, по рассказам древних, Аполлон победил грозного змея Пифона.

Оказавшись у самых ворот храма, которые были открыты, Клеандр вошел в них первым. Тарас и остальные последовали за ним к ступенькам главной лестницы. Когда же до них оставалось не больше дюжины шагов, пифий царя поднял руку и весь отряд замер. Скрипнув колесами, остановились повозки.

Пока поднятая сандалиями пыль оседала, Тарас успел рассмотреть храмовые постройки, состоявшие из главного величественного здания, примыкавшего задней частью к скале, и множества пристроек поменьше. Посреди двора находились высеченные из белого камня статуи морей – трех старух, следивших за судьбой греков и обрывавших эти хрупкие нити по усмотрению богов. Территория святилища Аполлона в Дельфах была довольно обширной и впечатлила Тараса, хотя тот повидал уже немало храмов в самой Спарте и тех полисах, что они миновали по пути сюда.

«А как же иначе, – подумал он, разглядывая массивные колонны у входа, державшие крышу здания, на фронтоне которого были высечены какие-то надписи, – этот храм стоит не в какой-нибудь захудалой деревеньке. И в кладовых его пожертвований, вероятно, столько, что

даже сам Ксеркс, прослышиав о его богатствах, спешит сюда. Да только Леонид, похоже, решил опередить персидского владыку».

Не успел он подумать об этом, как, словно в подтверждение его мыслей, из-за колоннады главного здания вышел жрец – тот самый благочестивый Эврипп, высокий бородатый мужчина в длинном гиматии, расшитом понизу золотой нитью. Его сопровождал царь Леонид, который что-то втолковывал изъявителю воли Аполлона. И, судя по долетевшим до спартанцев обрывкам разго-вора, Эвриппу эти слова не очень пришлись по нраву.

– Значит, ты все же решил их забрать из храма? – тряся бородой, уточнил жрец, бросив на царя косой взгляд. – Но ведь Аполлон ясно дал понять, что он защитит все, что принадлежит ему. Ведь ты сам объявили на всю Грецию, что спартанцы пришли защищать свои храмы, а теперь...

– Я остаюсь в Дельфах вместе со своим войском, – отрезал Леонид, – для того чтобы исполнить клятву. Мое слово твердо.

Он помолчал мгновение.

– Я заберу только то, что оставил здесь на хранение несколько лет назад, – сказал Леонид, останавливаясь у колонны, – да и то лишь часть и на время. Ты сам знаешь, что Аполлон дал мне знак действовать. И чтобы предсказанное оракулом сбылось, я должен исполнить его волю немедленно. Время не ждет.

Увидев прибывших солдат и повозки, оба жреца умолкли. Солнце блеснуло на шлеме царя спартанцев, когда он обвел взглядом тех, кого тайно вызвал сюда, но по скучастому лицу Леонида нельзя было прочесть ничего. На лице же худощавого Эвриппа еще висела маска разочарования.

Пока они молча взирали на прибывших, словно не решаясь перейти к действиям, Тарас пробежал глазами надписи на фронтоне храма, высеченные на сером камне, – «Познай самого себя» и «Ничего сверх меры», – поймав себя на мысли, что эти девизы как нельзя лучше подходили именно спартанцам.

– Воля Аполлона священна, – выдавил наконец из себя главный жрец храма. И Тарас понял, чего ему это стоило, по испарине, выступившей на лбу старика. – Пусть твои люди заберут их.

– Гисандр, – громко приказал царь, голос которого эхом прокатился по двору, отразившись от стен и колонн. – Оставьте щиты здесь и следуйте за мной в храм.

Тарас, бросив косой взгляд на статуи майор, подавил вздох и проследовал во главе своих людей за царем. «От судьбы не уйдешь», – подумал Тарас, поднявшись по ступеням широкой каменной лестницы и с благоговейным трепетом впервые в жизни вступая в главный храм Аполлона, откуда воля божества разносилась жрецами по всей Греции.

Внутри даже днем царил полумрак. Сразу за стеной начинались два узких коридора. Один из них вел прямо, вскоре совсем пропадая во мраке, а другой уходил налево к скале, расширяясь. Оттуда на проходившего мимо Тараса пахнуло сладковатым паром, привкус которого он ощутил еще там, стоя во дворе на солнцепеке. Судя по всему, там находилась какая-то расселина. Вдохнув этот пар, спартанец даже слегка покачнулся.

«Странно тут как-то пахнет, – подумал Тарас, стремясь не потерять из вида спину царя, уверенным шагом передвигавшегося в полумраке, – словно веселящий газ пустили. Даже голова закружилась. Надеюсь, мы здесь ненадолго, а то можно и захмелеть с непривычки».

Ему пришлось напрячь силу воли, чтобы не отстать от Леонида, уже спускавшегося по высеченным в скале ступеням в подземелье.

Сэкономив время на стоянке, к вечеру бирюма Гисандра оказалась на открытой воде, а перед самым заходом солнца, когда его теплые лучи ласково щекотали волны Ионического моря, показался и скалистый берег первого острова. Но к его удивлению, это был не Закинф,

ближний к Пелопоннесу. Тарас напрасно взглядался в морскую гладь на горизонте, пытаясь рассмотреть побережье Элиды, что непременно должна была показаться вслед за Ахайей, если плыть в Спарту этим путем, никуда не отклоняясь от побережья. Но у пифия, похоже, были другие планы, о которых он не счел нужным заранее предупредить Гисандра. За островом зоркий спартанец, правда, разглядел еще одну протяженную полоску земли, но это был, судя по всему, лишь второй остров. Вместо того чтобы плыть прямиком домой, корабль почему-то повернул в противоположную сторону и взял круто на север.

– Итака, – просветил его Клеандр, – а за ней Кефаллении.

Тарас машинально кивнул, словно бывал здесь уже много раз. Ему на самом деле показалось, что бывал. Больно уж название было знакомое.

– Зачем нам понадобилось отклоняться от главного пути, если уж мы так торопимся в Спарту? – не выдержал Тарас и дал волю своему любопытству. – Нас ведь с нетерпением ждут эфоры.

– Таков еще один приказ царя, Гисандра, о котором ты должен был узнать только здесь. Подробнее о его воле я расскажу тебе на берегу, ведь мы переночуем на этом острове, – сообщил ему пифий, впившись глазами в скалистый силуэт посреди волн, – заодно оставим здесь наш груз. Дальше мы поплыем без него.

Когда глаза Гисандра округлились от удивления, Клеандр нехотя добавил:

– А эфорам знать об этом не стоит.

Глава вторая Афина-Паллада

Со своего места у палатки Тарас наблюдал за гоплитами, проходившими мимо походного лагеря стройными рядами. Свежие, еще ни разу не принимавшие участия в сражениях с персами бойцы, отливая медью щитов и шлемов с изображением грозной богини, поднимались из долины по петлявшей меж отрогов тропе. Миновав два тесных прохода в скалах, охраняемых спартанцами, они устремлялись дальше. Туда, где уже виднелся предперевальный взлет, за время долгой схватки воинов Лакедемона и персов не раз переходивший из рук в руки и щедро окропленный кровью.

– Афиняне, – глядя им вслед, с отвращением пробормотал Архелон, стоявший у палатки рядом с Гисандром, опершись о копье.

– Не могу поверить, что Леонид решился на это, – пробормотал Тарас.

– А чем ты недоволен, – усмехнулся Архелон, переводя взгляд на друга, – пусть теперь и эти изнеженные торговцы прольют свою кровь во славу Греции. Не для того же они пришли сюда, чтобы отсиживаться за нашими спинами?

– Не для того, – в задумчивости пробормотал Тарас и кивнул, соглашаясь.

Еще не успевший отбыть обратно в Спарту Гисандр не стал рассказывать своему другу о том, что знал о намерениях Фемистокла, афинского стратега с неограниченными полномочиями, пребывавшего сейчас вместе с флотом где-то у Эвбеи. Хотя Леонид «официально» ничего не запрещал ему, Гисандру этого и не требовалось. Все и так было ясно. Нечаянно став носителем царской тайны, Тарас как бы молчаливо дал клятву о «неразглашении». И теперь хотел он или не хотел, а лишний раз раскрывать рот было небезопасно. Любой из спартанцев мог оказаться соглядатаем царя или его пифия, в тайных возможностях которого Тарас уже не раз мог убедиться. Клеандр был для Леонида чем-то вроде начальника контрразведки и мог запросто послать кого-нибудь последить за новым царским «доверенным лицом». А в случае чего тихо избавиться от этого лица, если оно вдруг потеряет доверие. Слишком уж многое от этого сейчас зависело.

Хотя в глубине души Тарас в такое развитие событий не очень-то верил, – ведь сам он был не из болтливых. Но неудачное нападение периеков на берегу реки по пути сюда помнил отлично. Он ведь так и не узнал, чьих рук это было дело: Деметрия, персов или еще кого. «Я ведь, как ни крути, теперь кровник самого Ксеркса, – самодовольно усмехнулся Тарас, неожиданно вспомнивший об этом «признании» его заслуг, когда провожал взглядом очередной отряд грозно смотревшихся афинян, – а эти «изнеженные торговцы» не так уж безопасны, как полагает мой друг Архелон. И если вдруг захотят повернуть свое оружие против нас, то нам может прийтись очень тяжко. Ведь какая-то часть их войска осталась в лагере у Дельф. Значит, мы между двух огней. Опасно. Главное, чтобы они с персами уже не договорились сдать проходы».

Стоявшее лагерем у горы Парнас войско афинян превосходило спартанское как минимум вдвое. И, несмотря на то что каждый спартанец стоил трех, а то и пятерых бойцов противника¹, полной уверенности в победе в случае схватки с ними у героя Фермопил не было.

«И как же Леонид решился на это, зная о планах Фемистокла? – продолжал недоумевать Тарас даже тогда, когда последний отряд афинян исчез за ближней скалой и проходы вновь

¹ Обычно любая греческая армия, рискувшая биться со спартанцами, выставляла на шесть рядов в глубину фалангу, превосходившую построение бойцов Лакедемона. Именно в такой пропорции противники оценивали силы своих и спартанских бойцов.

заполнились спартанскими воинами. – Будем надеяться, что Леонид знает, что делает. Он ведь еще и политик, наверное, что-то уже придумал».

Недоумение Тараса было вызвано тем, что еще вчера, когда он в последний раз виделся с Леонидом, в последний момент задержавшим его в лагере, царь и словом не обмолвился о том, что собирается пойти на контакт с Агенором² и другими афинскими полемархами. До этого дня он держал их подальше от места сражения. Но Агенор, командовавший сухопутной армией Афин, уверял, что его воины просто рвутся в бой и готовы послужить во славу Греции. Однако спартанский царь долгое время оставался глух к этим призывам. И вдруг, незадолго до нового штурма, Леонид решился заменить свои войска на перевале афинскими, а спартанцам было приказано отойти на второй рубеж обороны. И Тарасу, временно вернувшемуся в строй, тоже. Его заинтриговали действия царя, но никаких разъяснений он, понятное дело, не получил.

В ожидании приказов царя он провел здесь еще два дня. К вечеру первого, следом за посыльными, что спешили с вестями к спартанскому царю с места битвы, вниз потянулись «похоронные команды» афинян, несших убитых и раненых бойцов. Судя по их количеству, персы предприняли уже несколько мощных атак.

«Значит, они все-таки не сдали проходы, – озадачился Тарас, глядя вслед окровавленным санитарам, которые тащили раненых бойцов, – либо Агенор не в курсе тайных замыслов своего стратега, либо мой царь уже запустил в действие свой план, чтобы им помешать».

Афиняне продолжали идти непрерывным потоком, который иссяк лишь спустя час. Облако пыли, висевшее над тропой, еще долго оседало после того, как последний гоплит скрылся в долине.

«А лучшего плана, чем „замазать“ предателей кровью и вынудить сражаться на благо Греции, – ухмыльнулся Тарас, уловив, как ему казалось мысль царя, – и не придумаешь. Афинян следовало бы хорошенько разозлить, и, мне кажется, Леониду это удалось».

Как он был близок к действительности, Тарас узнал буквально на следующее утро, на рассвете, когда спартанские гоплиты неожиданно получили приказ вновь занять перевал. Их черные тени бесшумно заскользили наверх.

– Что-то быстро закончились силы у афинян, – как бы невзначай сообщил Гисандр царскому пифию, когда их дороги случайно встретились у шатра Леонида.

– У Агенора еще предостаточно сил, чтобы держать эти проходы очень долго, – туманно ответил Клеандр, смерив собеседника странным взглядом, от которого Тарас ощутил, что вновь лезет не в свое дело. Но отступать было поздно.

– Тогда кого мы меняем на перевале? – не унимался он.

Пифий обвел взглядом окрестности и, убедившись, что остальные гоплиты находятся на достаточном расстоянии, доверительно сообщил Тарасу:

– Вчера персы в жестокой драке уничтожили едва ли не четверть всех афинских солдат. А сегодня утром царь получил известие о том, что Агенор перешел в наступление и оставил перевалы, отогнав персов в долину.

– В наступление? – переспросил Тарас, не поверив своим ушам. – То есть нарушил царский приказ. Леонид, наверное, в бешенстве.

– Напротив, – ухмыльнулся пифий, почесав бороду, и Тарас заметил самодовольную улыбку на его лице. – Напротив.

«Судя по всему, Леонид именно этого и ждал, – подумал уже про себя Тарас, положив ладонь на рукоять меча, – значит, он действительно начал свою интригу и, судя по лицу Клеандра, весьма преуспел».

Пообщавшись еще немного с пифием, нехотя делившимся информацией, Тарас все же узнал еще кое-какие детали. После столь кровопролитного сражения Агенор самовольно пре-

² Имя этого исторического персонажа вымышлено.

кратил оборону, в ярости увел все свои войска вниз и отбросил персов едва ли не до второго перевала, закрывавшего долину уже со стороны земли локров. Где-то недалеко за этим перевалом находился город Амфисса, куда немногим ранее сбежала часть жителей Дельф, теперь уже наверняка находившихся в плену у персов, поскольку сама Амфисса уже давно пребывала в руках Мардония. Там, за этим перевалом, была сконцентрирована вся персидская армия, штурмовавшая дельфийские проходы. Взвесив силы афинян и персов, Тарас понял, что первых, скорее всего, ждет скорая и славная смерть за Грецию, поскольку армия персидского главнокомандующего, по донесениям разведчиков, превосходила примерно в пять раз силы афинян и спартанцев вместе взятых. Но гордым Агенором, похоже, руководила только жажда мщения. Так или иначе, в долине назревало масштабное сражение, на которое Тарас был не прочь взглянуть, тем более что самому биться вряд ли доведется.

– Если царь позволит, я хотел бы добраться с гоплитами до перевала и взглянуть на поражение Агенора, – осторожно поинтересовался Тарас, – ведь сегодня я еще не должен выступать?

– Неужели ты не веришь в победу наших друзей афинян, ведь Агенор храбр и у него немало воинов? – пожурил его Клеандр.

– На все воля богов, – туманно ответил некогда прямодушный Тарас, поневоле обучавшийся искусству словесного обмана. Этого трудно было избежать, находясь среди высокопоставленных спартанцев.

– Что бы там ни произошло, к вечеру ты со своими людьми должен быть у царского шатра, – ответил пифий, удаляясь.

А Тарас, сгоравший от любопытства, расценил это как «высочайшее» разрешение, подозвал своих бойцов и устремился вслед за спартанскими гоплитами.

«Наш царь далеко не глуп, – размышлял он на ходу, перепрыгивая через камни на дороге, – если Агенор потерпит поражение, то погибнет немало воинов, афиняне будут опозорены и вынуждены сражаться дальше, чтобы смыть этот позор. Такая ситуация нам только на руку, а вот Фемистоклу тогда гораздо труднее будет убедить отцов города сдать его персам на милость. Если он вообще собирается сообщать им об этом, а не хочет стать единоличным хозяином города, принял персидское правление».

Пробираясь в сумерках вверх по дороге, все больше напоминавшей широкую тропу, Тарас вдруг вспомнил рассказ жрецов о том, что часть жителей укрыла свое имущество на склонах горы Парнас, в неизвестной ему Корикийской пещере, сами же обитатели Дельф спрятались от персов где-то неподалеку. «Видимо, здесь хватает неприступных мест, – решил он, оглядывая рассветные горы, – да только пропусти мы персов, и обязательно найдется какой-нибудь предатель, который укажет путь в сокровищницу. Так что этих трусов, обожающих свое имущество, ничто не спасет, если не будет нас».

Вскоре он был на перевале. Подняв голову, Тарас заметил впереди ровную линию красных плащей, перегородивших остаток прохода. Он со смешанным чувством окинул взглядом каменные россыпи – этот обвал, унесший жизни сотен персов и обративший их некогда в бегство, устроил именно он, отступая, с помощью лишь нескольких горшков Темпейя. Этим можно было бы гордиться, но под теми же завалами погибли и его великолепные баллисты, которые так нужны сейчас спартанцам. Впрочем, Тарас не сомневался, что сможет быстро изготовить новые, нужно лишь добраться до Спарты. Однако сейчас его волновали совсем не баллисты.

Поднявшись на сам перевал и обменявшиеся несколькими словами с командиром перегородивших проход спартанцев, среди которых были его друзья Эгор с Архелоном, Тарас прошел позади строя, чтобы взобраться на самый верх насыпи. На такие самостоятельные передвижения Гисандра, облеченного личным доверием царя, остальные спартиаты уже смотрели достаточно спокойно, исключая лишь нескольких завистников и врагов. С тех пор как Леонид разрешил ему создать практически собственное войско из периеев и «артиллерию», метавшую

молнии на головы персов, Гисандр довольно редко появлялся в строю с копьем. Все больше передвигался по позициям в окружении своих подопечных с гастрофетами, словно заправский полемарх. Сейчас, правда, когда вся его «армия» погибла в прошлом сражении вместе с «артиллерией», он вновь был в полном облачении, но в строй так и не встал. Однако никому из командиров и в голову не пришло поинтересоваться, что тут разнюхивает этот новый царский любимчик. На перевале выстроилось человек пятьсот, но Деметрия среди них не было, а остальные, даже если им и не нравилось его поведение, не спешили осуждать Гисандра вслух.

Миновав отряд периеков-оруженосцев, Гисандр вскоре оказался на вершине каменного холма, у подножия той самой скалы, что подмяла под себя столько персов. Отсюда отлично была видна вся небольшая долина, запруженная персами и людьми Агенора. Сделав знак бойцам и своему оруженосцу, тащившему копье и щит, Гисандр скользнул взглядом по ломаной линии скал на горизонте, пики которых уже алели под солнечными лучами.

– Рассвело, – пробормотал Тарас, упираясь ногой в камень и вновь возвращая взгляд в долину, – и день, судя по всему, обещает быть жарким.

Там внизу, не так уж и далеко от «персидского» перевала он увидел войско афинян, выстроившихся в огромных размеров фалангу, которая из-за холмистой местности изгибалась подковой. Долина, в которой расположились войска, делилась как бы на две части. Та, что примыкала к охраняемому спартанцами проходу, была довольно широкой и пологой, по ней персы могли наступать большими силами и приближаться к перевалу со всех сторон. Поэтому Леонид и приказал оборонять лишь проход, где, подобно Фермопилам, численное преимущество не играло столь большой роли.

Та же часть, что поднималась ко второму перевалу, занятому персами, была более холмистой. Ее разрезали несколько глубоких оврагов, между которыми петляла торговая дорога в Локриду. Перегородив ее, у перевала сверкали чешуй доспехов персидские пехотинцы. Их были тысячи, и они немного походили на уже виденных Тарасом мидян – те же мягкие войлочные шапки на головах, пестрые хитоны, поверх которых блестевшие медью панцири с короткими рукавами, – но вооружение у них было гораздо лучше: большие медные щиты и массивные мечи. К какой из многочисленных народностей, пришедших вместе с Ксерксом искать крови греков, они принадлежат, Тарас не знал. Однако справа и слева от них держали фланги отряды, явно походившие на кассиев: вместо медных щитов плетеные, короткие копья, колчаны с луком и стрелами. В общем, «расходный материал», – как называл их Тарас, видевший этих воинов в деле. Да построением это было нельзя назвать. Солдаты Ксеркса на флангах выглядели как стадо баранов, сбившихся в кучу.

– Скорее всего, Мардоний легко пожертвует этими вояками, – опять пробормотал Гисандр, любивший поговорить сам с собою, чем часто озадачивал своих спутников, – пошлет вперед на тяжеловооруженных греков или в первую очередь отдаст на растерзание в случае атаки Агенора. Ведь «бессмертных» я здесь не вижу. Ни пеших, ни конных. Что странно. Наверняка этот хитрец Мардоний что-то задумал.

Впрочем, рассмотрев внимательнее поле, Тарас заметил, что оно просто усеяно трупами персов и греков. Совсем недавно здесь бушевало настоящее сражение. И Тарасу даже показалось, что, став привычным порядком, греки ожидали контрнаступления врага уже со вчерашнего дня.

– Они что тут, всю ночьостояли? – снова подумал вслух Тарас и добавил: – А овраги то глубокие, отличное место для засады. Даже конницу можно спрятать. Особенно вон в том овраге, слева, что заходит за фалангу греков. Чует мое сердце, что Мардоний сегодня удивит Агенора, ведь этот гордец даже и не думает выставить кого-нибудь для защиты от возможного обхода. На перевал нацелился. Атаковать. Ну-ну.

Вновь скользнув взглядом по далекому перевалу, Тарас разглядел на нем небольшую крепость, точнее походный лагерь, выстроенный персами по всем правилам фортификационного

искусства своего времени. Так что атака перевала неминуемо превращалась в штурм укрепленных позиций численно превосходящего противника. В общем, по всем прогнозам, воинам Агенора – лично возглавлявшего свою армию – здесь ничего не светило, но они и не думали отходить обратно. Греческий командир, стоявший впереди всех, в самом деле вознамерился отогнать персов от священного Дельфийского оракула, пусть даже и ценой своей жизни.

– Смелый парень, – решил Тарас, глядя, как передовые отряды легковооруженных персов, словно дожидавшиеся прибытия спартанского наблюдателя, двинулись вперед, чтобы завязать бой, – жаль будет узнать, что погиб.

С обоих флангов в небо над долиной взметнулись тысячи стрел и, слившись в воздухе, обрушились на фалангу греков. Со своего места Тарас не мог услышать стоны людей, но видел, как они падали десятками. Даже не вступив в бой, греки уже несли потери. А Тарас вздрогнул, слишком уж яркие были воспоминания от сражения у Фермопил, когда он вот так же, подобно афинянам, стоял под градом персидских стрел, прикрываясь щитом. Впрочем, он сразу взял себя в руки, снова став отстраненным наблюдателем, подмечавшим тактические успехи и провалы сражавшихся сторон.

– Лук, – великолепное дело, – спокойно констатировал Тарас, словно речь шла не о его умиравших собратьях, пусть и родом из другого полиса, – а гастрофет еще лучше. Жаль, что не все греки это понимают.

Греческая фаланга, прикрывшись щитами, выдержала обстрел, но не двинулась с места. Зато сами кассии – а Тарас был почти уверен, что это они – устремились в атаку. Они бежали вниз, на ходу продолжая стрелять из луков, и делали это до тех пор, пока не оказались рядом. Приблизившись к фаланге, передовые персы закидали ее копьями и бросились назад сквозь своих. А новая волна кассиев схватилась с греками врукопашную. Афиняне только этого и ждали. Их ответ был мощным. Кассии накатывались волна за волной на фалангу греков, да там и оставались лежать. Гоплиты кололи их своими копьями, и вскоре перед фалангой вырос целый бруствер из мертвых персов.

– Хорошо дерутся, – отметил Тарас, краем уха услышав одобрительный гул со стороны спартанцев, явно разделявших его мнение, – да только противник слабоват. Посмотрим, что дальше будет. Еще не вечер.

Афиняне выдержали все атаки и, буквально разгромив легковооруженных кассиев, наконец сдвинулись со своего места. Гоплиты неожиданно перешли в контрнаступление. Тарасу даже показалось, что он видит коренастого Агенора, что размахивал мечом впереди всех. Преследуя бегущих кассиев, которых они легко рассеяли, афиняне поднялись вверх по склону и столкнулись с теми, кого Тарас условно считал за мидян. Здесь наступление забуксовало. Этот противник не уступал грекам по оружию, а по численности вообще превосходил. Но афиняне уже поймали кураж, да драться они были обучены гораздо лучше, нежели персы.

Удар греческой фаланги, которая за время подъема вытянулась вперед, превратившись в клин, почти пробил центр обороны, и греки прорвались к самому лагерю. Острием этого клина был Агенор. Тарас ни минуты не сомневался, что этот бесстрашный военачальник, который увлекал воинов за собой все дальше, именно он. Победа была близка. Битва шла уже у самых стен, где в дело вновь вступили лучники. Раскроив порядки персов надвое, греки в конце концов пробились к перевалу, поднялись на него и даже подожгли лагерь.

Тарас глазам своим не верил. Персы отступали по всему фронту, который был разорван на несколько частей. Жестокая мясорубка шла одновременно вверху и внизу склона – Агенор привел с собой несколько тысяч человек, которые занимали сейчас весь предперевальный взлет.

Сражение длилось довольно долго, и Тарасу показалось, что пролетело уже несколько часов. Казалось, еще немного и победа будет за афинскими гоплитами. Но тут он увидел, что не зря «надеялся» на хитрость Мардония.

Когда последние гоплиты втянулись в драку, снизу, из того самого оврага, который сразу «приглянулся» Тарасу, показалась тяжеловооруженная конница. Буквально взлетев на своих крепких конях вверх по склону, персидская кавалерия атаковала афинские порядки и смяла одну за другой несколько шеренг. Весь арьергард Агенора, уже предвкушавшего скользкую победу, был уничтожен за считанные минуты. Всадники Мардония, облаченные в сверкающие на солнце доспехи, сражались не беспорядочной толпой, а были прекрасно обучены. И кони давали им большое преимущество перед пехотой. Они давили пытающихся держать строй гоплитов копытами и «косили» своими мощными мечами. А черно-золотые одежды этих персов не оставляли сомнений в том, кто они.

— «Бессмертные», — невольно усмехнулся от своей прозорливости Тарас, глядя на удар персов в спину афинянам, — этих ребят я уже встречал и удовольствия не получил. Посмотрим, как выкрутится Агенор.

Между тем предводитель афинских воинов наконец уразумел, что попал в заранее спланированное окружение. Стоило совершившись удару в тыл, как тут же началась атака тяжелых пехотинцев с перевала. Облаченные в плоские медные шлемы и затянутые блестящие на солнце нагрудники, персы мощным ударом отбросили греков с перевала и стали выдавливать их все дальше вниз по склону.

Со своего места Тарас смог-таки разглядеть группу воинов, которая пыталась управлять сражением. Бинокля у него, конечно, не было, но кое-что можно было различить, и он был уверен, что среди них находится сам Агенор, яростно размахивавший руками, в одной из которых был зажат меч. Вскоре стал ясен смысл приказов, которые он отдал своим людям, — отступать! Но это было уже не так просто. Греки развернули строй, и теперь основной удар пришелся на «Бессмертных», которые не привыкли бросаться врассыпную при первом же сопротивлении противника. А кроме того, к ним на «усиление» все по тому же оврагу, так опрометчиво не заблокированному Агенором, прибыли персидские пехотинцы в одеждах, ничем не отличавшихся от всадников.

— Ох и любит же Мардоний афинян, — не мог нарадоваться Тарас, — прислал лучшие силы.

Однако ярость греков, попавших в окружение, превзошла мастерство «гвардии» Ксеркса. «Больно уж сильно бьются, — озадачился вдруг Тарас, глядя на набиравшую обороты мясорубку, которая уже вновь переместилась с перевала на равнину, — а нет ли там, за перевалом, самого царя Персиды? Может быть, он сейчас стоит там, с другой стороны долины, наблюдает за сражением и радуется. Как я».

Тарас прищурился сильнее, словно действительно хотел рассмотреть гордый профиль царя среди скал, и невольно усмехнулся своей жестокой шутке — в ней была доля правды. Не стал бы царь персов отпускать свою гвардию так далеко, если бы сам не находился поблизости. Кто же его тогда охранять будет? Ведь стараниями Тараса, преуспевшего в новой для греков партизанской войне, Ксеркс получил хороший урок и напоминание, что даже за крепкими стенами лагеря он не может ощущать себя в безопасности. Спартанцы проникнут везде, сквозь любые заслоны. А это значит, что пока жив хоть один из них, царь Персидской империи может передвигаться по землям греков только под большой охраной.

Точное местоположение Ксеркса Тарасу было неизвестно. Некоторое время назад разведка доносила о том, что «Богоподобный» переместился из своего лагеря у Фермопил южнее, но, где он в настоящий момент, никто, кроме Леонида и его приближенных, не знал, а с Тарасом они информацией, ясное дело, не делились. Не того полета птица, хотя и вовлечен в интриги. Но, сделав подобные выводы, Тарас сам подивился их стройности. А почему бы нет? Царь персов, если не двинулся из лагеря морем, — а о новых сражениях с флотом греков пока ничего было не слышно, — вполне мог находиться уже здесь. В это мгновение Тарас даже пожалел, что афиняне не смогли взять перевал. Вдруг бы им удалось неожиданно захватить самого Ксеркса. Тогда мог наступить конец войне. Но «подобревший» спартанец быстро вспомнил, кому он

служит, и решил, что для Леонида это было бы самым худшим вариантом. Все его планы тогда провалились бы, а престиж афинской республики и без того немалый, после сражения у Марафона и морских побед сразу взлетел бы до небес. Полисы Греции, даже те, что «уважали» Спарту, стали бы роптать, вспомнив о самоопределении. А уж остальные моментально перemetнулись бы на сторону Афин, и тогда вечный вопрос «Кто в Греции главный?» встал бы для Спарты с небывалой остротой, а ее шансы на гегемонию упали бы «ниже плинтуса», как говорили в его родном времени. Но пока персы оправдывали ожидания Леонида, и все шло именно так, как он и рассчитал. Даже лучше.

Лишившись победы и взятые в кольцо, афиняне перешли в контрнаступление, чтобы пробить себе путь назад, одновременно яростно отбиваясь от наседавших персов с тыла. Тарас видел, как погибли многие из тех военачальников, что привели их сюда. Может быть, погиб и сам Агенор. «Бессмертные» стояли плотной стеной, пытаясь не дать им вырваться из кольца, но ярость греков была сильнее. И в конце концов пешие персы подались назад. Их строй изогнулся, а затем прорвался в двух местах сразу. Греческие бойцы хлынули в эти проходы, устремившись к спасительному перевалу и развалив собственный строй.

— А вот это ошибка, — хладнокровно констатировал Тарас, взявши рукой за подбородок, — это уже не дисциплинированное отступление, а настоящее бегство. И сейчас персы вас накажут за слабость.

Он не ошибся, дав возможность гоплитам побежать в сторону перевала, конница «бессмертных» разделилась на два потока и, быстро настигнув беглецов, врубилась в эту человеческую массу, уже не напоминавшую фалангу, сразу с двух сторон. А с перевала все накатывали новые и новые волны персидской пехоты. Численное превосходство персов, на взгляд Тараса, который бегло оценил их боевые возможности, стало уже пятикратным, и сражение, казалось, почти выигранное греками, теперь превратилось в настоящую бойню. А когда гоплиты обратились в бегство, началось настоящее истребление.

Персы на мощных конях вонзались в толпу греков то тут, то там и «косили» их своими длинными мечами. Греки, многие из которых побросали щиты, чтобы легче было бежать, слабо пытались защищаться кто мечом, а кто и просто закрывался руками. Но все было бесполезно. Они гибли десятками. Бой шел уже почти у самого перевала, к которому из последних сил пробивались афиняне. Никакого руководства сражением уже давно не было, Тарас не видел ни одной «организованной группы», которая пыталась бы хоть как-то держать строй. Даже в арьергарде, где волна персов, словно море, неминуемо накатывающее на берег, подминала под себя бегущих греков, полемархи давно смешались с толпой простых гоплитов.

— Позор, — пробормотал Тарас, с презрением глядя на бегущих афинян, и даже сплюнул на камни, — вы все должны были лечь на этом поле, но не пропустить персов. А теперь вы заслужили свою участь.

«Впрочем, хороший удар мог бы немного исправить ситуацию», — подумал Тарас, который в глубине души все же считал, что греки должны помогать друг другу, особенно во время войны. Но, взглянув на неподвижный строй спартанцев, которые и не думали спускаться вниз, спокойно взирая на гибель афинян, понял, что подмоги людям Агенора не будет.

«Неизвестно еще, какой приказ получил командир этого отряда», — подумал Тарас, не решившись на этот раз доверить слова воздуху. Он с некоторой опаской посмотрел на копья лакедемонян, которые поднялись вверх, стоило приблизиться к перевалу бегущим грекам. Но строй расступился, едва первый из них добрался до спасительного прохода. Афиняне, окровавленные, многие без шлемов и оружия, пробегали сквозь строй спартанцев и падали без сил сразу за ним. Персы же не стали атаковать перевал, удовлетворившись избиением тех, кто не успел достичь дельфийского прохода. А таких было не больше тысячи. Выжил ли сам Агенор, отдавший свое войско на растерзание, Тарас тоже не знал. Но решил выяснить, едва стало ясно, что сражение закончено.

— Идем вниз, — приказал он своим людям, — здесь смотреть больше не на что.

А про себя подумал: «Царь должен быть доволен».

Проходя мимо раненых и тяжело дышавших афинян, что валялись без сил или сидели, понурив головы, меж камней, Гисандр заметил их предводителя. Тот был ранен в плечо, но жив. «А это еще лучше, — против воли усмехнулся Тарас, — виновник позора выжил. Видно, Леонид принес хорошие жертвы богам».

Глава третья Таинственный остров Итака

Не успели они прибыть в гавань, как Тарасу было приказано развернуть бурную деятельность, которую, впрочем, следовало скрыть от чужих глаз. Когда начало темнеть и без того небольшой порт на этой стороне залива почти опустел, пифий приказал немедленно выгрузить ящики на берег и отнести их в сторону видневшейся неподалеку горной гряды.

— Там есть пещера, — кратко пояснил он, — мы должны достичь ее завтра утром. Но передвигаться лучше по темноте. Так надежнее. Поэтому начнем наш путь прямо сейчас. Здесь вполне безопасно, однако никто не должен обращать на нас внимания.

Тарас не стал спорить. Островок Итака не выглядел с моря слишком большим, когда они приближались к нему. Тот, другой остров, что высился за проливом шириной всего в десять стадий, — кажется, пифий называл его Кефалления — превосходил своего собрата размерами раз в пять. Но Клеандр по каким-то лишь ему известным причинам выбрал именно этот живописный и гористый островок. Больших городов по этому берегу Тарас с борта бирены не заметил, лишь рыбацкие деревеньки. Возможно, эта идиллия и привлекала царского пифия. Свои сокровища лучше хранить подальше от суеты.

Однако причалили они, к его удивлению, не у пустынных берегов, а к пирсу самого настоящего города, пусть и небольшого, со странным названием Ватхий. Городок раскинулся по обоим берегам узкого залива, вдававшегося далеко в сушу и разрезавшего остров, по словам пифия, почти надвое. Впрочем, на другой стороне залива домов и портовых сооружений было гораздо больше. А здесь никто не стал расспрашивать лакедемонян, зачем они прибыли на Итаку. Все были заняты своим делом. Никто из местных греков не обратил особого внимания на прибывший корабль, поскольку воды бухты одновременно с ним разрезали нескольких дюжин рыбакских лодок.

У Тараса появилось ощущение, что все местные жители заняты рыболовством, поскольку пахотных земель здесь, на первый взгляд, не имелось вовсе. Впрочем, он решил отложить далеко идущие выводы на потом, ведь всего острова он еще не видел. Мало ли что здесь могло находиться. А кроме того, пока Тарас наблюдал с борта бирены за живописным побережьем, изрезанным многочисленными бухточками и омывавшимся лазоревым морем, он вдруг вспомнил, отчего ему так знакомо название этого клочка суши. «Это же здесь жил и правил тот самый герой, которого теперь воспеваю все поэты Эллады, — с трудом вспомнил Тарас, у которого неожиданно случилось озарение, — Одиссей, кажется, царь Итаки. Тот самый, что придумал троянского коня и потом еще лет десять после войны добирался обратно. Только давно это было. Кажется, лет семьсот назад. Интересно, что здесь сейчас творится».

— Нам туда, — указал Клеандр в сторону горной гряды, возвышавшейся на западной стороне, — вскоре за портом начнется тропа. Она ведет в сторону Аэтоса.

— А где жил Одиссей? — вдруг спросил Тарас, не сдержав любопытства, так ему захотелось проверить свои воспоминания, — ведь он правил, я слышал, на этом острове.

— По преданиям, он жил в той стороне, — неожиданно спокойно объяснил Клеандр, указав на этот раз на север, — его дом стоял за проливом, в той местности, где сейчас стоит город Ставрос. Но мы туда не пойдем. Это в стороне от нашего пути, а нам задерживаться незачем. Тем более что из героев спартанцы больше почитают Геракла.

Тарас больше не стал тревожить пифия вопросами, хотя немного развелся от того, что ходит по той же самой земле, которую топтал знаменитый Одиссей, прежде чем отправиться в свое плавание.

Небольшой отряд из периеков Гисандра – Темпей в этот раз с собой не взяли, оставив на корабле – как мог быстро направился по обходной тропе в горы. Шли они довольно долго. Все происходило уже на закате, когда длинные тени от скал уже растянулись на всю бухту, а солнце почти погасло. Остатки жаркого дня быстро растворялись в ночи. Тарас, следовавший вместе с Клеандром и периеками-охранниками от побережья в глубь острова, уже начал переживать, что скоро наступит кромешная тьма. Тогда они со своим ценным грузом, что бы там ни было, будут вынуждены заночевать прямо среди скал.

Они проделали весь путь от бухты до предгорий меньше чем за полдня, даже не пользуясь телегами, чтобы не привлекать лишнего внимания. Вернее, так решил Клеандр, и теперь Тарас вынужден был с сожалением смотреть, как понапрасну напрягаются его люди, из последних сил волоча на копьях тяжеленные ящики, завернутые все в те же накидки. Их было всего две-надцать, и потому они не могли сменить друг друга.

Однако, как ни старались спартанцы передвигаться скрытно, они все же были не в пустыне. Все равно им повстречалось несколько сельских жителей, на которых пифий посмотрел так злобно, что Гисандр ожидал немедленного приказа убить их. Но этого не произошло. Видимо, шум был не нужен. Да и на чьей они территории, Тарас еще не успел толком узнать. Понял лишь, что здесь, на острове, у спартанского царя есть какие-то тайные друзья.

Впрочем, пифий Леонида рассчитал все верно. Видно, бывал здесь не раз по делам тайной службы. Ночь накрыла Итаку не раньше, чем они успели занести ящики высоко вверх, туда, где тропа совершенно исчезла, но спартанцы продолжали идти вперед лишь одному пифию известным путем. Заветной пещеры, однако, они так и не достигли.

– Она уже рядом, – сообщил не слишком огорчившийся Клеандр, всматриваясь в потемневшие горы, – здесь уже никто не ходит, поэтому можем заночевать вон в той ложбине у большого камня. А утром продолжим наш путь.

В этот момент Гисандру показалось, что земля под его ногами всколыхнулась. Не прошло и мгновения, как новый толчок заставил одного из носильщиков рухнуть под тяжестью ящика на колени, да так быстро, что груз едва не придавил его. Второй периек пытался удержать ношу, но не вышло. И массивный ящик с грохотом опрокинулся на камни. Не разбился, зато Тарас отчетливо услышал металлический звон изнутри.

«Значит, все же не оракулы, – ухмыльнулся он, стараясь удержаться на ногах, поскольку последовал новый толчок, и прислушиваясь к звуку нескольких соскользнувших по склону камней, – только землетрясения нам не хватало. А то пифий еще заставит немедленно возвращаться на корабль».

Но Клеандр, к большому удивлению Тараса, оказался не столь суеверным, как все спартанцы. Он лишь пнул с досады ногой в бок валявшегося на земле периека и прошел сквозь зубы:

– Вставай и крепче держи свою ношу! От ее сохранности зависит твоя жизнь. Отнесите ящики в ложбину и можете устроиться на ночлег. Сегодня мы дальше не пойдем.

А обернувшись к Гисандру, добавил:

– Пусть охраняют ящики по очереди.

Тарас молча кивнул и решил не уточнять, что думает пифий царя насчет столь опасных знамений. Если он сам не впадал в панику по этому поводу, то уж Тараса это совсем не страшило. Горы были, по его меркам, не такие уж высокие. С другой стороны, бежать тоже было особенно некуда с этого острова. «Надеюсь, здесь нет действующих вулканов, – успокаивал себя Тарас, укладываясь на ночлег прямо на каменистой земле, – а то спать будет довольно жарко, если один из них пробудится раньше нас».

Подбодрив себя такой шуткой, он завернулся в плащ и мгновенно заснул, положив меч под руку. О еде ни он сам, ни его измощенные периеки и не помышляли. В эту увеселительную прогулку они взяли с собой лишь небольшой запас вяленого мяса, который предстояло

«вскрыть» лишь поутру, чтобы хватило сил на обратную дорогу. Они были счастливы уже оттого, что Клеандр разрешил им опустить груз на землю и отдохнуть. А потому, едва сделав это, повалились на камни замертво. И сам Тарас, и все свободные от «караульной службы» люди мгновенно заснули, ничуть не смущаясь тому, что спать приходилось прямо на камнях. Гисандру спать на камнях было даже спокойнее, чем на палубе корабля, которая вечно раскачивалась. К счастью, подземные боги перестали бить в барабан, толчки прекратились, и ничто больше не беспокоило уставших спартанцев до самого утра.

Теплая ночь окончилась быстро. Едва первый лучик солнца коснулся его лица, Тарас открыл глаза и, словно распрямившаяся пружина, поднялся на ноги. Окинув окрестности цепким взглядом, он немного размялся, пересчитал ящики, размещенные между камнями, затем своих людей. Все было на месте. Троек гастрафетчиков дремали в десятке метров, посматривая на далекую тропу и залив, еще видимый отсюда, сами оставаясь «невидимыми». Там, медленно разрезая волны, плыл в сторону моря какой-то корабль.

Услышав шорох за своей спиной, Тарас резко обернулся, обхватив рукоять меча.

— Неплохо, — похвалил его реакцию Клеандр, подкравшийся сзади буквально вплотную, — буди своих людей. Пусть поедят. А потом нам пора идти дальше. Пока солнце не поднялось слишком высоко.

Тарас кивнул, отметив про себя, что царский пифий мог бы легко всадить ему нож в спину при желании и он не успел бы отвести удар. Подготовка у этого «политического деятеля» была вполне на уровне спартанского гоплита. И возраст был тому не помехой.

Наскоро перекусив вяленым мясом и пресными лепешками, периехи вновь взвалили на плечи копья, на которых ремнями были закреплены ящики, и медленно тронулись за царским пифием. Клеандр пробирался все выше и выше, до тех пор пока, обогнув несколько отрогов, они не оказались почти у самой вершины горы, откуда открывался великолепный вид на живописные окрестности острова. Но Клеандр этот вид интересовал меньше всего. Оказавшись на небольшом плато под самой вершиной, он остановился, несколько секунд всматриваясь в почти отвесную стену, состоявшую из сплошных скальных складок, и затем направился дальше. Присмотревшись, Тарас так и не понял, куда он идет. Но пифий вскоре подошел к самой стене и вдруг пропал.

От неожиданности Гисандр даже остановился, — со своего места он не видел в стене никаких отверстий. Но спустя мгновение Клеандр вновь показался и даже махнул ему рукой, указывая, куда идти.

— Хорошо замаскировали пещеру, — пробормотал Тарас себе под нос, поправляя портупею, на которой болтались ножны меча, — даже с близкого расстояния не разглядеть.

Вход в пещеру он заметил, лишь приблизившись к расщелине, которая выходила из чрева горы под углом и так хорошо сливалась с ней, что была практически неотличима от скалы. Заметить ее можно было лишь с нескольких метров. Никаких троп сюда не вело. «Интересно, откуда наш пифий прознал об этой пещере? — невольно усмехнулся Тарас и сам себе ответил: — Наверно, местные друзья подсказали».

— Гисандр, пусть они занесут ящики внутрь и приготовят факелы, — приказал пифий, как ни в чем не бывало, когда Тарас оказался рядом.

— Факелы? — удивился Тарас. — Но зачем?

— Нам еще нужно спустить эти ящики в глубь подземного хода, — нехотя проговорил пифий, — а в чреве горы темно, Гисандр. Нам нужно двигаться там осторожно, чтобы не побеспокоить подземных богов.

«Ого, — не переставал удивляться Тарас, шагнув внутрь и привыкая к темноте, — да тут целая система коммуникаций, в этом подземном хранилище. Что-то мне не очень хочется лезть в эту дыру, особенно после того, как подземные боги хорошенко потрясли вчера гору.

Не ровен час, еще завалят нас там вместе с ящиками». Но вслух, ясное дело, ничего такого не сказал, а лишь кивнул в знак послушания.

Вскоре периеки разыскали несколько подходящих сухих стволов на склонах холма, для чего пришлось даже немного спуститься назад, и, обмотав их тряпьем, которое предусмотрительный пифий приказал накануне взять им с собой, подожгли. Они изготовили четыре факела, два из которых взяли в руки Гисандр с Клеандром, первыми шагнувшие в пещеру. А еще два несли в свободной руке периеки, замыкавшие колонну. Оружие они передали своим товарищам, сумевшим восстановить силы за ночь. Глядя, как его люди взвалили на плечи тяжеленные ящики, Тарас даже немного загордился. Все-таки эти бойцы прошли его личную школу на выживание.

Пещера оказалась не очень большой и походила просто на скальный разлом, ведущий в глубь горы. Периеки едва могли протащить сквозь него свои ящики. На стенах блестели капли воды, искривившиеся в свете факелов, словно сотни алмазов. «Откуда здесь вода, — удивился Тарас, продвигаясь вслед за уверенно ступавшим пифием и в мерцающем свете разглядывая каменные откосы, — мы же под самой вершиной?»

Ему, понятное дело, никто не ответил. Вскоре тропа пошла вниз, а проход понемногу стал расширяться. Несколько раз в стороны уходили ее ответвления. И каждый раз пифий твердо выбирал нужный путь. Тарас ступал за ним осторожно, подсвечивая себе дорогу факелом. Он боялся наступить на одну из ядовитых змей, которых на острове водилось во множестве. Пока шли сюда, он заметил несколько штук на склоне.

Сpartанцы молча пробирались все дальше и дальше, разгоняя мрак светом своих факелов, а Тарас почему-то подумал о том, что в эту минуту солнце, наверное, уже поднялось высоко и снаружи жарит так, что плавятся камни. Здесь же, наоборот, становилось все холоднее, а воды на стенах все прибавлялись. Факелы уже прогорели почти до половины, и Тарас начал немного беспокоиться о том, как же они вернутся назад. Но тут неожиданно стены разошлись в стороны и пропали, а он с удивлением заметил, что Клеандр стоит на берегу подземного озера. Оказавшись рядом, Тарас поводил шипящим факелом из стороны в сторону и понял, что озеро не очень большое, но глубокое. Его прозрачная вода даже позволяла увидеть дно у самого берега, правда чуть дальше оно уходило из вида. Низкий каменный свод давил своим весом, постепенно растворяясь во мраке.

— Мы пришли? — поинтересовался Тарас, взглянув на догоравший факел.

— Почти, — ответил пифий и кивнул в сторону: — Видишь это?

Тарас посмотрел в указанном направлении и с удивлением узрел небольшой плот, сколоченный из кривых стволов. На нем даже лежали два весла, вырезанные гораздо более умелой рукой.

— Ящики нужно погрузить и перевезти на островок, что находится вон там, — сообщил пифий, — до него чуть больше четверти стадии. И он там один, ты не ошибешься.

На этот раз Тарас ничего не увидел, тьма сгущалась над водой в том месте, куда указывал Клеандр.

— Поторопись, Гисандр, — приказал пифий, — времени у нас немного. Факелы скоро погаснут. И хотя я найду дорогу обратно даже в темноте, мы должны успеть перевезти ящики.

Траса сделал знак периеками перетащить свою ношу на плот, но, приблизившись, понял, что больше одного ящика туда не влезет.

— Придется сплавать три раза, — прикинул он, — надо торопиться.

Пока периеки осторожно грузили первый ящик на плот и спускали его на воду, Тарас заметил в отсветах факела чуть в стороне два истлевших скелета, чьи кости были прибиты к скале цепями. Рядом валялись кинжалы. «А это, наверное, хранители тайны, — невесело усмехнулся Гисандр, залезая на плот, — унесшие ее с собой в могилу. Впрочем, у них и могилы — то нет».

– Возьмите второй факел и гребите туда, – указал направление пифий, вскинув руку, – а когда выгрузите ящик, быстрее возвращайтесь. Я буду светить вам с берега.

– Я должен их как-то укрыть? – уточнил зачем-то Гисандр, которому вся эта тайная операция уже начинала давить на психику.

– Нет, просто оставь ящики на острове, – ответил Клеандр и добавил, слегка улыбнувшись: – Здесь их и так охраняют подземные боги. Они будут под надежной защитой.

Тарас кивнул, поправил ремешок, чтобы шлем не упал в воду, и, подняв факел повыше, сделал знак периекам, расположившимся вокруг ящика, грести. Это делали двое, а третий также держал факел и освещал путь. На плоту едва хватило места для такой компании.

Весла с плеском погрузились, и плот поплыл во мрак. Освещая путь перед собой, Тарас изредка поглядывал на воду и видел в ней серебристых рыбок, что сновали в глубине. «Наверняка отсюда вытекает подземная река, – подумал он вдруг, – не угодить бы в ее течение, а то еще унесет к подземным богам навстречу».

Но, к счастью, его опасения не оправдались. Островок показался довольно быстро. В свете факелов вдруг появилась острые каменная глыба, торчавшая из воды. Обогнув ее, Гисандр увидел широкий и плоский выступ, на краю которого имелось высеченное углубление, сделанное специально для того, чтобы можно было завести сюда плот и сташить тяжелый груз, не боясь утопить его. Там, к его удивлению, уже стояли несколько ящиков. «Этого следовало ожидать», – подумал Тарас.

– Заводите плот на камень и стаскивайте ящик, – приказал спартанец, – а посмотрев на шипящий факел, добавил: – Да поторопливайтесь, времени у нас мало.

Когда периеки выполнили приказ и вновь оказались на плоту, Тарас вдруг заметил еще одного мертвеца, прибитого цепями к скале позади ящиков. «Здесь охрана просто на каждом шагу», – подбодрил себя Тарас, которому не очень нравилась традиция прибивать людей к скалам.

Клеандр стоял на берегу и призывающими махал им факелом, когда они появились из темноты.

– Погрузили? – спросил он так, словно речь шла о сущем пустяке.

Тарас кивнул.

– Тогда берите быстрее второй и возвращайтесь. Мой факел уже почти погас.

Сказав это, он бросил свой обгоревший факел в воду, и тот зашипел, словно змея. Сделав несколько шагов назад, пифий взял другой, еще горевший факел у периека и посветил на плот. И вдруг вода всколыхнулась, а скалы задрожали, словно где-то в глубине взорвалась бомба. Из-под свода отвалились несколько глыб и с громким всплеском упали в озеро.

– Ого, – вырвалось у Тараса, – кажется, подземные боги забеспокоились после нашего появления.

– Ничего, боги на нас не в обиде, плывите быстрее! – приказал Клеандр.

Тарас нехотя подчинился, поскольку подземный гул не стих совсем, а, напротив, нарастал. Когда он перевозил ящик, боги вновь ударили в свой барабан и стены подземного озера содрогнулись. Сверху посыпались камни. Одна из глыб рухнула в воду буквально в метре от плота.

– Черт побери, – перешел на русский Тарас, – чуть левее, и от нас бы ничего не осталось. Надо быстрее отделаться от этих ящиков и наверх.

К его удивлению мечта сбылась, едва он оказался на берегу озера.

– Последний ящик я отвезу сам с твоими людьми, – вдруг заявил Клеандр, прислушиваясь к затихавшему гулу, – а ты можешь взять факел и идти наверх.

– Но… – хотел возразить Тарас и осекся. Спорить с пифием было бесполезно.

– На каждой развилке иди все время направо, – добавил пифий, – и вскоре окажешься наверху. Жди меня там.

Оставив всех периеков на попечение пифия, Тарас взял один факел и побрел наверх по все сужавшемуся проходу. Прикованные к скалам мертвцы никак не выходили из памяти. «И что еще он там задумал? – не мог взять в толк Тарас, цепляясь за каменные стены и устало шагая вверх, под мерный рокот „подземного барабана“, – не люблю я подземелья. Их же всех там может просто завалить».

За то время, пока он поднимался, был всего один новый толчок, когда доспехи спартанца обсыпало мелкой крошкой. Но к счастью, после него все стихло. А когда Тарас вышел на свет, подземные боги и вовсе утихомирились. Солнце давно прошло зенит. Приближался вечер. Подземная операция явно затянулась.

Пифий появился спустя полчаса, после того как Тарас вышел наружу и присел в тени у стены. Сначала ему показалось, что Клеандр был один. И Тарас едва не вскочил, крикнув: «Где мои люди?» Но тут же увидел Мегаклида и Никомеда, которые показались следом из проема, однако далеко не ушли, остановившись.

– Все хорошо, – удовлетворенно сообщил пифий, приближаясь к нему, – твои периеки успели отвезти последний ящик. Мы оставим их здесь до завтра охранять, а сами вернемся на корабль. Утром я пришлю новую охрану.

– Что с ними будет дальше? – немного напрягся Тарас, вспоминая народную мудрость о свидетелях, которые долго не живут. А тут речь шла о таких темных делаах, что периеками могли легко пожертвовать, – ведь речь шла о царях и эфорах. И если бы эти периеки были просто рабами, Тарас, возможно, смирился бы с такой участью для них, – против царя не пойдешь, – но именно эти периеки прошли с ним уже не одно сражение и были «дороги» ему почти как боевые товарищи.

О том, что для спартанцев это всего лишь расходный материал, не стоящий даже сожаления, он в последнее время частенько забывал, за что ловил на себе много косых взглядов. Настоящий гражданин Спарты, а тем более такой известный, как он, не должен был так себя вести. Был бы Тарас политиком, его, того и гляди, могли подвергнуть остракизму³ и сослать куда-нибудь подальше. К счастью, пока что он не был ни эфором, ни другим, сколько-нибудь заметным лицом по своему положению, несмотря на славу героя и победителя Гимнopedий. За свою службу Гисандр был лишь награжден должностью проксена⁴, что было необременительно, поскольку в Спарте иностранцы появлялись не часто.

– Не бойся, я не убью их, – неожиданно расщедрился на слова Клеандр, поняв, что беспокоит его спутника, – я вижу, как они тебе дороги. Эти двенадцать человек выжили после сражения. Я знаю, что ты обучил их искусству странного боя, который у нас многие не понимают. Но он полезен. И царь верит в это. Леонид ценит твоих людей и надеется, что в скором времени ты сможешь обучить своему искусству еще многих.

Совершенно сбив с толку туманными намеками Гисандра, пифий замолчал и направился вниз по тропе. Когда они спустились с горы, уже стемнело, но Клеандр продолжал идти и в кромешной темноте. Сразу было видно, что идет настоящий спартанец, которому не в новинку прогулки без факела. Несмотря на свою роль и заботу о грузе, о котором знал лишь он один,

³ Историческая шутка автора. Такого обычая в Спарте не было. Остракизм – суд черепков (остракон по-гречески «черепок, скорлупа») – существовал в Древних Афинах, вечном сопернике Лакедемона. Это изгнание из государства гражданина, ставшего слишком влиятельным и могущего претендовать на абсолютную тираническую власть, происходило посредством голосования черепками. Если Народное Собрание принимало решение провести эту процедуру, то в назначенный день каждый пришедший гражданин писал на принесенном с собой черепке (остраконе) имя человека, которого следует изгнать. Затем оставлял его в специальном огороженном помещении. Когда голосование заканчивалось, производился подсчет черепков. И тот, против кого было подано наибольшее количество голосов, должен был в десятидневный срок уйти в изгнание. Подобные обычаи существовали также в Аргосе и некоторых других городах Пелопоннеса, а также Великой Греции. В том числе в Сиракузах.

⁴ Проксен – гражданин Спарты, который по поручению властей должен был оказывать гостеприимство всем прибывающим в страну гражданам иностранного государства и защищать их интересы

пифий не боялся передвигаться по острову лишь в сопровождении командира эномотии. То ли ощущал себя здесь в полной безопасности, то ли действительно был от рождения бесстрашным, как все спартанцы. Так или иначе, но он еще ничего не объяснил Гисандру о том, чем они будут заниматься на этом острове, кроме захоронения ценного груза в отдаленной пещере.

Тарас, очнувшись от задумчивости, последовал за ним.

– А кто сменит моих периеков утром? – не удержался он от вопроса, неслышно ступая за таким же «бесшумным» пифием. – Ведь с нами нет вооруженных спартанцев. Только моряки да гребцы, не на них же рассчитывает мудрый Клеандр?

– Ты догадлив, не зря тебя ценит наш царь, – раздался голос из темноты, – утром сюда придут преданные нам люди из местных.

– У нас есть здесь союзники? – опять не сдержал любопытства Гисандр. – Я ничего не знал об этом.

– Ты и так уже слишком много знаешь о тайных делах нашего царя, – проговорил Клеандр, немного помолчав и не переставая шагать вниз, – но Леонид тебе доверяет. Поэтому я расскажу тебе то, что ты должен узнать сейчас.

Пифий опять умолк, перепрыгивая какой-то камень, и заговорил вновь лишь после того, как тропа вышла на побережье залива. Идти до портовых сооружений, примыкавших к заливу с обеих сторон, предстояло еще довольно долго. Пока тропа петляла меж камней, Гисандр любовался яркими огнями, что горели с той стороны бухты. Невольно расслабившись, он живо представил, как местные жители жарят там туши баранов и свиней на вертелах, чтобы предаться вскоре отдыху после трудного дня. Рядом стоит в кувшинах вино. От таких мыслей его желудок свело. – Тарас давно не ел. Но, отогнав их, он успокоился. Спартанцу привычнее быть голодным. В этом его преимущество – ничто не отвлекает, не затуманивает ум, и он всегда готов вступить в бой.

– Так вот что я хотел тебе сказать Гисандр, – вновь заговорил пифий.

Глава четвертая Странные гонцы

Дальнейшее плавание до Спарты заняло всего несколько дней и больше не принесло Гисандру никаких неожиданностей. Теперь они уже плыли прямиком домой и ничего такого, о чем эфорам не следовало знать, не делали. Покинув на рассвете Итаку, после полудня они миновали большой остров Закинф у берегов Элиды и, обогнув ее, к вечеру прибыли в Кипариссию. Здесь уж можно было сходить на берег, так как начинались спартанские владения, но Клеандр предпочел лишь переночевать, а затем отправиться дальше, чтобы морем прибыть в Тирос.

– Но ведь это еще дня два пути, а то и три, – удивился Гисандр, когда узнал о решении царского пифия, – эфоры, наверное, и так заждались меня.

– Ты надеешься пешком успеть быстрее? – ухмыльнулся Клеандр, почесав бороду, и опять напустил тумана, – ты, конечно, сильный воин, но сейчас тебе не стоит спешить. У эфоров и без тебя забот хватает. Поэтому чем позже ты прибудешь, тем лучше... для тебя.

Тарас не совсем понял, о чем говорил его спутник, но был вынужден подчиниться. «В конце концов он прав, – подумал Тарас, глядя, как их корабль вновь выходит в море, чтобы отправиться вдоль побережья Мессении к далекому Тиросу, – встреча с эфорами вряд ли будет для меня приятной, если не последней. Поэтому пусть уж она состоится как можно позже».

В этот день на море разыгралось нешуточное волнение, и корабль был вынужден раньше времени зайти в гавань, чтобы лишний раз не испытывать терпение Посейдона. Конечно, ценного груза с ними уже не было, но и своей жизнью Гисандр еще немного дорожил. Тем более когда берега родной Спарты постоянно маячили по левому борту. Пифий поддержал его желание встать на ночевку. Он вообще, как показалось Тарасу, не слишком торопился выполнить наказ царя как можно быстрее прибыть в Лакедемон на встречу с эфорами. И Гисандра это немного озадачивало – ведь производство орудий было делом первостепенным, каждый день у дельфийских перевалов гибли спартанцы, отдавая свои жизни. И Клеандр этого не мог не знать.

Хотя Тарас и побаивался встречи с эфорами, но, отправляясь в путь, полагал, что нельзя было терять ни дня. Однако их плавание все больше походило на длительную экспедицию с большим количеством остановок, главной целью которой было как можно больше успеть по дороге, нежели скорее прибыть в Спарту. «Такое ощущение, что пифий чего-то не договаривает, – размышлял Гисандр, поглядывая с борта корабля на своего спутника, прогуливавшегося мимо лавок переков в порту, – может быть, Леониду не слишком нужны мои баллисты?»

Но что-то говорило ему, что дело не только в баллистах, которые царю Леониду были действительно нужны как воздух. Просто Тарас кожей чувствовал, что вокруг заваривается какая-то очень опасная «каша», в которой его пока что использовали вслепую. Даже несмотря на крохи информации, которую сообщил ему пифий еще на Итаке, Тарас не ощущал полного доверия. Впрочем, ему это было не впервые. В конце концов, он не царь, а простой солдат, хотя папу геронта не стоило сбрасывать со счетов. Оставалось успокаивать себя только народной мудростью из прошлой жизни – семи смертям не бывать, а одной не миновать. Судя по количеству происходивших по дороге событий, все должно было проясниться уже довольно скоро.

На сей раз их приютила Метона. Оттуда царский пифий отправил двух гонцов, понятное дело, Тарасу ничего не объяснив. Одного посуху, а другого морем в неизвестном направлении. Это событие тоже осталось бы тайной, но наблюдательный Тарас заметил с борта корабля, как на следующее утро пифий разговаривал у лавки горшечника с каким-то человеком в лохмотьях, после чего передал ему небольшой предмет и, командир эномотии мог поклясться всеми богами, мешочек с монетами. «Зачем ему так рисковать, – удивился Гисандр, – мы уже в Лако-

нике, а здесь за хранение денег по головке не погладят. Возьмут и отрежут ее, чтобы другим неповадно было».

Но последующие события дали ему некоторые объяснения. Вскоре к этому разговору присоединился еще один «простолюдин». Разговор с гонцами состоялся на местном базаре у пирса, где «шумели» периеки, а Клеандр старался не привлекать к себе внимания, смешавшись с толпой. Разговор походил на обычную встречу простолюдинов, поскольку и царский пифий не отличался пышностью наряда. Клеандр был одет в скромный гиматий, как приличествовало ходить в Спарте даже эфорам.

Зоркому Гисандру показалось, что переданный «гонцу», как он сразу окрестил неизвестного человека, предмет вполне мог быть табличкой, то есть письмом. А это значит, что пифию срочно потребовалось связаться с кем-то или известить его заблаговременно о своем прибытии. А поскольку стоянка в бухте была незапланированной, то следовало полагать, что свои люди были у пифия в каждом городе. Похожую табличку он передал второму. После чего тот зашагал прочь из порта, то и дело оглядываясь по сторонам. А другой «простолюдин» поднялся на борт корабля, отчалившего из Метоны вслед за судном Гисандра, но упавшего в обратном направлении. Этот корабль показался Гисандру вообще не спартанским. Он уже успел насмотреться на редких представителей торгового флота периеков и мог бы с уверенностью сказать, что это явно не один из них, хотя тоже «торговец».

Клеандр же, закончив свои манипуляции, взошел на корабль, не сказав ни слова, будто действительно занимался на берегу лишь тем, что рассматривал горшки. Тарас его не расспрашивал, понимая, что это бессмысленно. Все, что ему «нужно знать», царский пифий и так расскажет. А больше – только под пытками, да и то вряд ли.

Ветер надул парус, и судно понеслось по волнам в сопровождении веселых дельфинов. Вскоре достигнув небольшого архипелага из десятка мелких островов, они миновали мыс Акритас – самую южную точку некогда свободной Мессении, а теперь, уже не одну сотню лет после захвата, считавшуюся «исконной» спартанской территорией. Следующий по курсу мыс, что лежал за обширным заливом, назывался Тенар и был хорошо знаком Тарасу. Именно там случилось памятное избиение илов в храме Посейдона, которое сошло с рук Деметрию и окончательно сделало его врагом Гисандра.

Плавание в спартанских водах походило на прогулку по «мертвому» морю – кораблей здесь почти не попадалось. Лишь изредка лазурный горизонт расцвечивался парусом одного или нескольких судов, принадлежавших к флотилиям других стран. Корабли Коринфа, Арголиды, Афин и недалекого Крита бороздили окрестные воды по своим торговым делам, обходя неприветливую Лаконику стороной. Суда же периекских купцов были крайне немногочисленны. За все плавание им попалось пока лишь два корабля.

– И почему наш предок, великий Ликур, так не любил флот, что запретил нам его иметь? – не выдержал наплыва своих мыслей Гисандр и спросил, обернувшись к стоявшему рядом Клеандру: – Ведь имей Спарта флот, мы могли бы сокрушить любого врага.

– Мы бьемся так, как он нам завещал, – ответил царский пифий, и Тарас, к своему большому удивлению, не рассыпал в его голосе большого осуждения. – Лакедемон силен своей сухопутной армией, и не нам менять заветы Ликурга.

Но, наклонившись чуть ближе к Тарасу, добавил почти шепотом, словно боялся, что его услышат матросы или обретавшийся неподалеку Темпей:

– Хотя я могу тебе сказать, что не вижу ничего вредного в том, чтобы у Лакедемона было некоторое количество кораблей. Мы не стали бы от этого слабее.

– Конечно! – воскликнул Гисандр, вдохновленный тем, что нашел понимание. – Наоборот, мы стали бы гораздо сильнее и могли бы со временем подорвать морскую мощь Афин. Если же построить достаточно большие корабли, то мы могли бы перебрасывать наши

отборные войска на кораблях в любую точку Греции. Ведь даже персы делают это. И даже на Итаке я видел военный флот.

Гисандр развернулся вполоборота к пифию и взмахнул рукой, указывая так, словно они до сих пор находились на острове.

— Там, в заливе, где мы выгрузили... ящики, — проговорил он, — почти рядом с нашей стоянкой я видел штук пятнадцать новехоньких триер, похожих на афинские. Они были достаточно вместительные для таких походов. Но на них не было солдат. Чьи они? С кем Итака собирается воевать?

Клеандр, казалось, был в замешательстве. Некоторое время он размышлял над тем, что говорить, словно вопрос Гисандра застал его врасплох. Но быстро взял себя в руки и ответил:

— Это флот наших союзников.

— Значит, потомки Одиссея опять⁵ готовы биться за Спарту? — уточнил Гисандр и, не дождавшись утвердительного кивка, сам ответил: — Отлично. Но только нам бы не помешали собственные корабли. У нас ведь столько портов и большое побережье. Мы бы могли быть владыками не только суши, но и моря, а оно пока принадлежит проклятым афинянам.

— Если тебе не дорога твоя жизнь, ты можешь попросить о них у эфоров, когда будешь говорить с ними о своем оружии, что мечет молнии подобно Зевсу, — усмехнулся пифий, — разве ты забыл, что уже одного этого тебе будет достаточно, чтобы раньше времени отправиться в царство Аида.

— Но ведь мы победили, — не унимался Тарас, — ведь я доказал, что с помощью этого оружия могу уничтожить тысячи персов, даже не используя меч и копье.

— Ты забыл, где живешь, — охладил его пыл царский пифий, — для эфоров главное, что ты нарушил традиции предков, создав это оружие. Вмешался в дело богов. Так что проси их лишь о том, чтобы они даровали тебе свою милость. Это главное. К сожалению, пока не все еще в Спарте зависит от царя, который тебе благоволит. А про корабли забудь.

И все же Тарас не услышал в словах пифия полного запрета думать об этом. Вслух тот, конечно, запрещал ему говорить о флоте, но спартанец чувствовал, что эта тема интересна и самому Клеандру. А раз так, то и самому царю. Видно, время еще не пришло.

«Ладно, подождем, — нехотя смирился он, скрипнув зубами и вновь обращая свой взгляд к морю, — в одном Клеандр прав, с эфорами новый флот обсуждать не стоит. Они — хранители древних законов. Сейчас главное, получить их „высочайшее разрешение“ на строительство баллист. Уже одно это будет прорывом для спартанской армии, хотя многим бойцам „старой гвардии“ явно не понравится. Ну да ничего, лишь бы не запретили, а там прогресс свое возьмет даже среди этих твердолобых вояк, как только они увидят, что творит моя артиллерия».

— Темпей! — Гисандр отошел от ограждения и приблизился к мачте, у которой коротал свое время первый алхимик Греции под тентом, чуть в стороне от скамеек гребцов. — У тебя случайно не осталось в Спарте каких-нибудь запасов «Грома богов»?

Так они между собой называли состав гремучей смеси, которой начиняли взрывчатые горшки. Но оружейник сразу отрицательно замотал головой.

— Мы все потратили у Фермопил, хозяин, и потом на отражение персов у Дельфийских проходов, — пробормотал он заикающимся голосом, словно боялся, что немедленно будет наказан, — но как только мы достигнем Пелланы, я обязательно постараюсь сделать как можно больше порошка.

— Да уж пострайся, врачеватель, изготовить побольше своего зелья, — кивнул Тарас, приваливаясь к мачте, над которой трепетал под порывами ветра парус. — Я буду «лечить» им персов. А их еще очень много на нашей земле.

⁵ Троянская война началась из-за «похищения» Елены Прекрасной, жены царя Менелая, бежавшей в Трою. Менелай был спартанским царем. Участвуя в Осаде Трои, Одиссей помогал проспартанской коалиции.

– Я не буду спать ночами, – пообещал Темпей.

– Это верно, – согласился Тарас, поглядывая на временно скучающих гребцов, – Когда мы прибудем на место, нам всем будет не до сна.

Его взгляд, скользнув по синему небу, остановился на чайках, небольшая стая которых сопровождала корабль от самой Метоны. Они уже прошли половину залива и вскоре должны были достигнуть мыса Тенар. Вечерело. «Как бы не пришлось там ночевать, – озадачился Тарас, которого будоражили не очень приятные воспоминания об этом месте, всколыхнувшие еще более ранние о тех зверствах, участником которых он стал, попав в агелу Деметрия, – а впрочем, какая теперь разница».

Заметив своих гастрафетчиков, Никомеда с Бриантом, что расположились на корме, он вдруг снова вспомнил об Итаке. На обратном пути из подземного «хранилища» Клеандр привел его на одну из скал на другой стороне хребта и показал на три деревни, что раскинулись внизу. Там горело много костров и деревни были хорошо различимы, несмотря на сгущавшиеся сумерки. Здесь жило много народа, на первый взгляд, – одни мужчины. И все – как показалось наблюдательному Тарасу, – судя по всему, были воинами.

– Это люди Иксиона, – предвосхитил вопрос царский пифий, – местного вождя, что обязан нам своей дружбой.

– Спарте? – уточнил Тарас.

– Нет, Гисандр, – прищурился пифий, – лично царю Леониду. С Леотихидом и эфорами он не имеет связи.

Гисандр промолчал.

– Странные деревни, – поделился он своими соображениями, подметив кое-что в поведении местных жителей буквально сразу, – очень похожи на военный лагерь.

– А это и есть лагерь, – не стал скрывать пифий, – все его обитатели – военные люди. Они заменят твоих периеок завтра.

– Так они знают о пещере, – спросил заинтригованный Гисандр, – хорошие бойцы?

– Со спартанцами, конечно, не сравняться, – сморщился пифий, – но бесстрашны и оружие держать умеют. Правда, большинство из них пираты и всякий сброд с окрестных островов, что собрал к себе Иксион, когда захотел укрепить свою власть на этом острове.

– И вы доверите им охрану нашего груза? – не поверил своим ушам Тарас.

– Иксион не знает о ящиках, – ответил пифий, но, увидев, что это ничуть не успокоило Тараса, добавил: – Он слишком многим обязан Леониду и не станет с нимссориться.

– А Иксион⁶ один правит на Итаке? – не удержался от наводящего вопроса Тарас, пристальнее взглядавшийся в то, что творилось у костров.

– На этом острове еще есть правители, – нехотя проговорил пифий, тоже взглядавшийся в сгущавшиеся сумерки, – о них ты узнаешь позже. Но Иксион – самый дерзкий из них и сослужит нам хорошую службу. Если захотят боги, то ты познакомишься с ним, когда придет время.

– Значит, мы вернемся сюда? – удивился Тарас, переводя взгляд на лицо пифия, почти скрытое во мраке.

– Если захотят боги, – был ответ.

«Что-то мне кажется, что боги не заставят себя долго ждать, – подумал Тарас, вновь зашагав по невидимой тропе меж камней в сторону бухты, – а этот остров еще сыграет в судьбе царя Леонида, да и, похоже, моей, какую-то роль. Эх, Одиссей, Одиссей».

Отогнав нахлынувшие воспоминания, Тарас вернулся в настоящее, вновь устремив свой взгляд к спартанским берегам. Плыли они довольно быстро и, несмотря на опасения Тараса, вскоре благополучно миновали мыс Тенар. А проплыв дальше, даже успели еще до темноты

⁶ Иксион – выдуманный персонаж.

достигнуть какого-то города, который командир эномотии не успел посетить за время жизни в Лаконике. Так далеко по этому берегу на юг он не забирался.

— Где мы? — просто спросил Тарас, когда корабль пришвартовался у невысокого и полуразвалившегося от старости пирса. Сразу было видно, что постоянное мореплавание в этом городе — давно забытое дело.

— Это Асопос, — ответил Пифий, — мы уже недалеко от конечной цели. Осталось обогнать последний мыс, и завтра будем на месте.

Пифий обернулся и указал рукой в сторону занимавшего полнеба холма, над которым уже начали появляться первые звезды.

— Вот там стремит свои воды в море великий Эврот.

— Эврот? — удивился Тарас. — Но тогда зачем нам огибать мыс и так отклоняться? Могли бы войти в русло и подняться до Спарты, корабль у нас небольшой.

— Нам не нужно в Спарту, Гисандр, — озадачил его пифий, сходя на берег, где для него и Тараса уже подготовили ночлег в одном из домов, — нам нужно сначала в Тирос.

— Ну Тирос, так Тирос, — согласился Гисандр, чуть задержавшись на корабле, чтобы поговорить с периеками, — придется заночевать здесь.

Но его отвлек Темпей, который сам приблизился, едва услышал название города.

— Господин, — проговорил он звонким шепотом, — позвольте мне остаться на корабле и не сходить с вами на берег.

— А что тебя так пугает? — удивился Тарас, положив руки на кожаный ремень. За спиной замерли Этокл и Бриант с его оружием, которое всегда носили за хозяином. — Мы дома, в Спарте. Персов поблизости нет. Можешь спать спокойно — я выделю тебе чулан у входа в дом, который вы поделите с моими оруженосцами.

— Благодарю, вы слишком щедры ко мне, — стал отнекиваться оружейник, — Асопос находится на внутренней стороне мыса, а на другой стоит мой родной город Эпидавр-Лимера. По прямой, через перевал, здесь не так уж и далеко.

— И что? — не понял Тарас, которого слегка утомило это нудное морское путешествие. Он хотел спать, а Темпей не давал ему этого сделать.

— Периеки из нашего города имели много дел с местными жителями и часто бывали здесь. Вдруг кто-нибудь из них узнает меня? А ведь для них я давно мертв. Могут возникнуть ненужные вопросы.

— И то верно, — удивился неожиданному повороту мыслей своего верного алхимика Тарас, вспомнив операцию по тайному вывозу Темпеля из этих мест. Тогда он действительно приказал пустить слух, что врачеватель сгорел в огне во время одного из своих опытов, которые так будоражили местных жителей.

— Я до сих пор боюсь своих давних недругов, — объяснил Темпей, — многие из них были бы не прочь казнить меня за любовь к изучению огня.

— Ладно, — кивнул Тарас, скользнув взглядом по хмурым лицам оруженосцев, — ты мне еще пригодишься, да и царь рассчитывает на твои огненные горшки. Так что мы не можем допустить, чтобы из-за какой-то глупой случайности нам смогли помешать. Я, конечно, убил бы любого, кто осмелится на это. Но лишний шум нам не нужен. Клеандр не одобрит. Так что спи на палубе, раз уж так хочется. А ты, Этокл, на всякий случай останешься с ним.

Клеандр просиял так, словно ему отменили смертный приговор. «Да, — подумал Тарас, шагая по одной из пустынных в этот час портовых уличек, — тяжело быть гением. Все хотят твоей смерти. Даже на улицу не выйти».

Глава пятая Царский темен

На следующий день, ближе к полудню, когда корабль проходил мимо Эпидавр-Лимеры, а все, кто на нем находился, страдали от нестерпимого зноя, Тарас не удержался от ерничества. Словно не замечая стоявшего рядом алхимика, он проговорил вслух, рассуждая сам с собой:

– А не пополнить ли нам запасы пресной воды в этом городе?

И краем глаза заметив, как вздрогнул врачеватель от такого предложения, поспешил его успокоить, опять как бы невзначай «заметив» под тентом бурдюки с водой.

– Хотя не стоит. Мы уже близко от цели, и нам хватит того, что есть.

Темпей, едва не потерявший сознание при этих словах, вздрогнул еще раз и с благодарностью посмотрел на своего хозяина, приняв все за чистую монету. А Тарас, позабавившись, поймал себя на мысли, что грубый спартанский юмор, замешанный на унижении подчиненных сословий, проник и в его характер. «А как же иначе, – оправдал он себя, – со спартанцами жить, как говорится...»

На этот раз погода благоприятствовала путешественникам, они нигде не останавливались и к вечеру были в Прасиях. Когда корабль ошвартовался в местной гавани, Тарас с удовольствием ступил на твердую почву и сразу же проделал несколько гимнастических упражнений, немного размяв мышцы.

– Засиделся я что-то на этом корабле, – посетовал он Клеандру на затянувшееся морское путешествие, когда пифий оказался рядом.

– Ничего, – ответил тот, рассматривая сумеречное небо, быстро растворявшее в себе прибрежные скалы, – сегодня переночуем здесь, а завтра двинемся в Тирос. Время поджимает.

– На повозке? – осведомился спартанец, вращая плечами и заканчивая растягивать руки. Неожиданное сообщение о том, что они опаздывают, Тарас пропустил мимо ушей. Сам он уже давно перестал торопиться на встречу с эфорами.

– Пешком, – ответил Клеандр, и в его голосе спартанцу послышалось недовольство «изненоженностью» Гисандра, которому «по статусу» всегда следовало передвигаться пешком, – а повозка поедет за нами с грузом.

«Вот это по-нашему, – усмехнулся Тарас, – по-спартански».

В Тирос, несколько раз уступавший столице размерами, но также имевший несколько центральных мощных улиц и множество храмов, они прибыли после полудня, когда солнце уже прошло зенит, а раскаленная земля готовилась принять долгожданную прохладу. Вступая в город по горячим камням в своих сандалиях, Тарас заметил на его окраине знакомое приземистое здание, из подвала которого валил дым, словно там черти жарили грешников на сковородке. Это был местный арсенал, где работал слишком любопытный мастер Сфетон, не приглянувшийся Тарасу с первого взгляда. Именно отсюда некогда геронт Поликарх и его сын начали поиски мастеров, тайно способных создать баллисты. Но даже по прошествии долгого времени местные «мощности» не использовались в «программе создания оружия возмездия», так еще и не одобренной эфорами. Ни Гисандр, ни его мудрый отец почему-то не слишком доверяли местным мастерам, хотя те и делали вполне приличное оружие.

– Что дальше? – уточнил Тарас у пифия, когда они остановились передохнуть на небольшой площади ближе к центру города, на которой в этот час было полно народа. – До самой Спарты отсюда идти чуть менее двух дней. Двинемся прямо сейчас?

Все свободное пространство вдоль стен было занято гончарными лавками, а в некоторых Тарас разглядел даже инструмент для обработки земли и какие-то скобяные изделия. «Ну просто свободный рынок по сравнению со столицей, – невольно усмехнулся он, глядя, как бойко

торговали периеки своим товаром, меняя его на другой, – и куда только смотрит старейшина Миссий. Так и до революции недалеко».

– Нет, – ответил Клеандр, дождавшись, пока их нагонит повозка, в которой среди небольшого количества вещей сидел в гордом одиночестве врачеватель, охраняемый периеками из спецотряда, – сейчас мы направляемся в имение царя. Тебе нужно посмотреть на него. А там я скажу тебе, как быть дальше.

– Если речь о ближайшем клере царя, то я там уже бывал, – сообщил Гисандр, не вдаваясь в детали, – вместе с отцом, когда прошлый раз ездил по этим местам. Мы беседовали тогда с управляющим царским теменом.

– Да? – немножко удивился Клеандр, вперив в него пристальный взгляд снизу вверх. – Так вы уже знакомы с Инахом? Тем лучше. Меньше понадобится времени на подготовку.

«Про что это он? – не понял Тарас, но расспрашивать не стал. – К чему мне готовиться? Что я там среди этих полей не видел? Ладно, скоро сам расскажет, раз уж начал».

О том, что в прошлый раз они так застраивали Инаха во время своей инспекционной поездки, что он потом перевыполнил «план по сдаче зерна и овощей» государству, а вернее, своему хозяину – царю, – Тарас упоминать не стал. Зачем беспокоить пифия такой ерундой. Тем более что они походя поспособствовали увеличению состояния царя Леонида, а за это царь «своему другу геронту» только спасибо скажет. Периеки должны работать, для того им и сохранили не только жизнь, но и свободу. А свобода в Спарте дорогостоящая.

Впрочем, была в этом деле и другая сторона, о которой Тарас узнал, лишь прожив в Спарте несколько лет. Герусия вместе с эфорами пристально следила за жизнью царей и стремилась их постоянно контролировать. Если эти два магistrата не ссорились, а объединялись для одной цели, то они обладали реальной властью сместь царя. В этом случае в дело шли любые уловки, которых у эфоров имелось немало. От совершенно «законных» до откровенных фальсификаций с очернением царей, вплоть до подделки оракулов. К законным относился обряд наблюдения за ночным небом, который проводился раз в девять лет. В это время эфоры, увидев падающую звезду, могли счесть это знаком того, что кто-либо из царей пропинился перед богами и его власть нужно прекратить. Что и делали незамедлительно. Царь «совершенно законно» отстранялся от власти до тех пор, пока не будет получен «официальный ответ» от дельфийских прорицателей о том, как поступить с ним дальше: казнить или помиловать. К счастью, в большинстве случаев оракул в Дельфах благоволил к царскому роду, и теперь Тарасу стало понятнее, по каким причинам божество почти всегда поддерживало царей в борьбе за власть с эфорами. Но бывали и исключения. А если законным методом отстранить слишком активного и самостоятельного царя от власти не выходило, то тут в дело шли любые методы. От стандартного обвинения во взятке – а царь Спарты, как верховный главнокомандующий и жрец, всегда должен был оставаться безупречным – до признания его незаконнорожденным, что мгновенно исключало царя из длинной родословной потомков Геракла. Такого позора не мог вынести никто. Поэтому нередки были случаи, когда обвиненному в таких грехах царю предлагалось закончить жизнь самоубийством или в изгнании. Последнее случалось чаще, поскольку даже доказанная вина не позволяла поднять руку на священного царя-жреца.

Так что если бы в имение царя пожаловал не Поликарх, а другой представитель герусии, то Леониду впору было бы обесокоиться таким излишним вниманием. Мало ли что он там вынюхивал.

Увидев Гисандра, Инах невольно вздрогнул. Даже появление Клеандра не произвело на него такого впечатления, как внушения, сделанные некогда столичными инспекторами. Он хоть и был управляющим царского темена, но по рождению считался периеком. Сказывались отношения между хозяевами-спартанцами и периеками, людьми второго сорта. А был еще и третий, куда нарушитель субординации мог переместиться очень легко. И хотя по своему положению Клеандр был неизмеримо выше, Инах не смог скрыть легкого волнения, охватив-

шего его при появлении поджарой фигуры спартанского гоплита, прибывшего в сопровождении своих бойцов. «Вот она, рабская психология, – невольно усмехнулся Тарас, – один раз сломал человека, и все, он уже животное».

От взгляда проницательного пифия это не укрылось, но он не стал ничего выяснять.

– И чем я должен здесь заниматься? – уточнил Тарас, когда разместил своих людей на посторонней земле и вновь встретился с пифием во дворе центральной усадьбы небольшой деревеньки, вокруг которой раскинулись царские поля. Земельные угодья Леонида явно превышали надел любого гражданина Спарты, невольно заставляя Тараса улыбаться, когда он слышал фразу «первый среди равных». Правды ради нужно было заметить, что все остальные законы против роскоши царем соблюдались. Если, конечно, не считать привилегии свободно хранить золото у себя дома и там же питаться за счет общины, не посещая ритуальные сесситии. Никто, кроме него и царя Леотихида, таких «послаблений» не имел.

– Завтра утром ты отправишься в Спарту. А до ночи тебе нужно осмотреть вон те бараки, Инах тебе в этом поможет, – сообщил ему Клеандр, указав на недалекие холмы, поросшие редким лесом, из-за которого высвечивалось несколько длинных приземистых зданий. Они были едва заметны.

– А что это? – искренне удивился Тарас, даже немного оскорбившись. – Зернохранилище?

Его, солдата, зачем-то хотели привлечь к сельскому хозяйству, которым даже не все илоты занимались.

– Это мастерские, – словно нехотя пояснил пифий, прищурившись. – Там делают оружие. Ты должен их осмотреть и знать, как их можно использовать, если вдруг... Он помолчал немного, но все же закончил фразу: – Если вдруг что-то пойдет не так. Мы не можем терять времени.

Тарас перевел удивленный взгляд с бараков на пифия и, помолчав, кивнул. Ему показалось странным, что Клеандр говорил так, словно заранее знал, что в этом деле что-то пойдет не так. Впрочем, может, и знал. С него станется. Просто Тарасу не говорил. «Ох уж эти мне политики, – передернул плечами гоплит, направляясь к близким холмам в сопровождении управляющего, – все темнят, темнят».

– И запомни, Гисандр, – проговорил ему в спину пифий, остававшийся в деревне, – для всех остальных эти бараки и есть зернохранилище, как тебе показалось с самого начала.

– Это ясно, – подтвердил Тарас, обернувшись и делая знак своим периекам присоединиться к его небольшой прогулке, – сразу же видно: обычные зернохранилища.

Приблизившись к холмам, Тарас приглядился к объекту. На первый взгляд это были обычные бараки, действительно походившие на хранилища для собранного урожая. Никаких труб, никакого дыма и пара, никаких шипящих чанов с водой, никаких чумазых илотов с раскаленными заготовками снаружи. В общем, ничто не выдавало в этих бараках мастерские по производству оружия. Даже наоборот, – по соседству паслось стадо коз, а напротив периеки старательно возделывали мотыгами землю. Впрочем, трубы все же были, если приглядеться. Да и общий пейзаж немного портили четверо охранников из периеков в полном боевом облачении, стоявшие у дверей в барак. Но ведь и зерно следует охранять. Особенно царское.

– Ну просто сельская идиллия, – пробормотал, глядя на это, Гисандр, сам затянутый по необходимости в походные доспехи, и, обернувшись к трусившему позади Инаху, добавил: – Давай показывай, что у тебя тут запрятано.

Увиденное внутри «зернохранилища» разительно отличалось от вида снаружи и даже слегка поразило Тараса, повидавшего уже немало мастерских. Здесь были выстроены с десяток мощных, по местным меркам, печей, способных переплавить такое количество металла, что можно было бы выковать оружия на небольшую армию. А если не торопиться, то и на большую. Правда, все они сейчас были в нерабочем состоянии, но после беглого осмотра оказалось,

что горючих материалов заготовлено предостаточно. И Тарасу сразу стало ясно, что не пойдет и нескольких часов после приказа, как подмастерья раздуют здесь такой огонь, что небесам станет жарко.

– Кстати, а где ваши мастера? – уточнил Тарас, прогуливаясь по этим секретным мастерским, в которых не было ни души, отчего его тихие шаги едва ли не звоном отдавались в звенящей пустоте барака. – И все остальные? Печей-то тут немало. Чтобы их обслуживать, нужно много переков.

– Они живут в соседней деревне, – не стал темнить Инах, видимо, получивший указания во всем помочь Гисандру и ничего не скрывать, – для вида обрабатывают поля и могут быть вызваны сюда мгновенно.

– Ясно, – кивнул Тарас, – а медные заготовки где хранятся?

Инах отвел его в другой конец барака, где в специальном чулане, под охраной еще нескольких гоплитов находились корзины с «грязной» рудой, из которой еще только предстояло выплавить медь. Но в углу под мешковиной зоркий глаз Тараса заметил и небольшую стопку из слитков уже очищенной меди. Не спрашивая разрешения, он приблизился, откинул грубую ткань и тут же вернул ее на место, лишь скользнув взглядом по отливавшим тусклым блеском бокам пузатых слитков. Конечно, до чистой меди всему этому хозяйству было еще далеко, технологии не те, но по здешним меркам это было уже целое богатство. Стратегическое сырье.

«Кажется, у нашего царя еще есть и монополия на разработку медных рудников, – припомнил Тарас, – а на рудниках тоже работают перековы, о которых он так печется».

Насмотревшись на все это, Тарас пришел к выводу, что теперь у него в распоряжении – а Клеандр ясно дал это понять – на всякий пожарный случай имеется целый сталелитейный завод. Да не где-нибудь, а на особо охраняемой территории, куда без высочайшего разрешения никто не сунется.

– Значит, можно не мучиться с производством в собственном имении, – усмехнулся Тарас, невольно заговорив вслух, – прощай, кустарный метод. Да, теперь шпионы Деметрия в Пеллане умрут со скуки.

– Что нужно сделать, господин Гисандр? – не понял его Инах, стоявший в трех шагах.

– Пока ничего, – отмахнулся Тарас и похвалил управляющего, чтобы тот больше не приставал с вопросами, – молодец Инах, хорошо ты тут все организовал. Пригодится. Покажи-ка мне теперь ту самую деревню, хочу на мастеров посмотреть.

И покинув территорию завода, Тарас неспешным шагом направился за Инахом в деревню, где довольно долго общался с царскими мастерами. Памятуя о том, сколь долго он искал настоящих толковых работников, Тарас решил сам убедиться в их «профпригодности». Прибыв на место, что оказалось по соседству, не таясь, набросал им чертеж баллисты и остался доволен. Мастера действительно оказались сообразительные. Довольно быстро догадались, что к чему, и даже стали предлагать Гисандру идеи, как усовершенствовать конструкцию. Обратно Тарас вернулся уже затемно, но царский пифий ждал его у входа в дом.

– Все осмотрел? – встретил его вопросом вместо приветствия Клеандр.

– Все, – кивнул Тарас, слегка утомленный, но довольный, – и печи посмотрел. И с мастерами виделся.

Клеандр выжидательно молчал, и Тарас понял, что царский пифий ждет от него авторитетного заключения.

– Хорошие мастерские, – проговорил он, снимая шлем с головы, – и печей и материалов много. Побольше, чем даже в Тиросе. Царь может быть доволен.

Пифий по-прежнему молчал. Поэтому Тарас выдержал паузу и закончил.

— Так что, если что-то пойдет не так... здесь можно спокойно наладить производство баллист. У меня в имении тоже можно их делать, но здесь быстрее будет, да и не надоедает никто из соглядатаев.

— Леонид был уверен, что тебе понравится, — проговорил наконец пифий, делая пару шагов навстречу и слегка улыбнувшись, — оружейники здесь действительно собраны лучшие. Со всей Спарты.

Тарас не стал спрашивать зачем.

— На рассвете ты отправишься в столицу, — напомнил Клеандр и протянул ему небольшой свиток, — вот письмо царя к эфорам.

Тарас бережно взял дощечку и очень осторожно засунул ее за панцирь, понимая, что держит, возможно, свою охранную грамоту. Если Леонид не отступил от своих слов, то в письме должна была содержаться просьба прислать в Дельфы еще одну спартанскую армию. Вместе с ним. Ну и кое-что о подвигах героя Фермопил. Если, конечно, эфоры сочтут Гисандра героем, а не отступником.

— Когда получишь ответ, пришли ко мне гонца, — отдал последнее напутствие пифий.

— А... если эфоры дадут мне не тот ответ, которого я жду? — выдавил из себя Тарас, положив руку на кожаный пояс. Он настраивался на лучшее, но готовился к худшему. Дело было не из простых. Одним богам было ведомо, как все повернется в столице.

— Что бы они тебе ни ответили, сразу пришли гонца, — повторил Клеандр.

— Я понял, — произнес Тарас, отступая на шаг, — пришли.

И добавил уже про себя: «Если меня не приговорят раньше».

Глава шестая Спарта

Столица встретила Тараса и его небольшой отряд непривычной тишиной. Войдя в город с востока, он миновал окраины, состоявшие в большинстве своем из приземистых землянок с плоской крышей, прямо на которых часто паслись козы и свиньи, – назвать эти строения домами у него язык не поворачивался, – прошел памятный Дромос и углубился в центральные кварталы, постепенно приближаясь к месту своего триумфа на Гимнопедиях. Позади не слишком быстро передвигавшегося отряда тащилась телега с врачевателем, возница которой имел приказ двигаться прямиком в имение геронта Поликарха, если вдруг Гисандр решит ускорить шаг.

Вспоминая о том, как шумел тогда город, полный народа, Тарас с удивлением отмечал, что сейчас Спарта, казалось, будто вымерла. Не считая солдатских патрулей, лишь редкие прохожие попадались ему на улицах. Да и то были это в основном илоты или периехи, бредущие по делам своих хозяев. Пока что он не встретил никого, напоминавшего своим видом чиновников, посетителей апеллы и герусии, и тем более праздношатавшихся граждан. Впрочем, таких в Спарте и не было. Люди здесь отдыхали только по великим праздникам, а сейчас ничего подобного не намечалось. И тем не менее Тарас сразу ощутил атмосферу каких-то перемен. Что-то происходило в Спарте, и весь город словно замер в ожидании важного решения.

«Может, из-за войны власти объявили какой-то траур?» – размышлял на ходу Тарас, осторожно переставляя ноги по мостовой, обильно усеянной засохшими испражнениями животных. Но сам же себе и отвечал: «Нет, не похоже. Даже угроза нападения персов не отвлекла спартанцев от пышного празднования Карней⁷, а остальных греков – от Олимпиады. Они вообще не любят менять свои планы. Значит, здесь что-то другое. Только вот что? Ох, не нравится мне это».

Приблизившись к центру города и ступив на главную площадь у стадиона, Тарас наконец увидел многочисленные белые колонны, портики и галереи, расположившиеся от площади во все стороны. Остановившись на Хоросе, он позволил себе немного расслабиться, предавшись воспоминаниям. Пустынный сегодня стадион, свидетель его победы, сейчас казался безмолвной громадой. Перед входом возвышались статуи Аполлона-Пифея, Артемиды и Латоны, строго взирающие с высоты своего роста на Гисандра. Каменные скамьи стадиона из светлого пористого камня, стоящие полукругом на склоне холма и разбитые на секции, словно ждали нового наплыва народа. Своим внутренним взором Тарас «видел» людей, в белых гиматиях, что бродили между ними, занимая свободные места. В центре трибун находилось несколько лож. «Здесь я впервые встретил царя Леонида, – пронеслось в мозгу спартанца, которого словно что-то держало на этом месте, – и Елену. Да, сколько воды утекло с тех пор».

Вдруг краем глаза Тарас заметил какое-то движение среди колонн галереи, спускавшейся вдоль дороги с холма. И, повернув голову, увидел, как несколько старейшин в длинных гиматиях прогуливались там, беседуя о делах. Это были не эфоры. Здесь, похоже, проходило какое-то собрание старейшин. Тарас пригляделся, пытаясь рассмотреть среди них своего отца, но не увидел.

– Ладно, – проговорил он, отгоняя размягчившие душу воспоминания и заметив покашавшуюся на площади телегу, – надо поторопиться.

⁷ Карней – древнейший спартанский праздник в честь Аполлона Карнейского. Праздновался каждый год в сентябре. Изначально на нем проводились военизированные состязания, а позже добавились и музыкальные.

Махнув рукой Этоклу и Никомеду, стоявшим за спиной, он быстрым шагом направился по мостовой к выходу из города мимо округлого храма Зевса и Афродиты Олимпийских. Он знал, где живут эфоры и где они собираются, чтобы обсуждать свои дела. Но решил пока не идти прямиком туда, а наведаться для начала к своему отцу. Пообщаться. На собрании старейшин Поликарха, похоже, не было. А уж он-то должен был знать все последние новости и посоветовать сыну, как лучше поступить.

Путь до отцовского имения показался Тарасу, привычному к марш-броскам с полной выкладкой, недолгим, можно сказать, увеселительной прогулкой. Особенно если вспомнить, что Этокл и Бриант тащили на себе все вооружение, а Темпей он вообще позволил себе потерять из вида, благо того охраняли трое бойцов. Денек стоял прекрасный, солнечный. Окрестные виды настраивали спартанца, привыкшего размышлять только о войне, на лирический лад. Когда же он свернул с мощеной «трассы» на пыльную проселочную дорогу и поднялся на холм, заметив на соседнем поле среди работавших илотов стройный стан Хилониды, то мысли его и вовсе стали далеки от военных действий. Стоило ему вспомнить те жаркие ночи, которые он провел еще до свадьбы с этой крестьянкой, что воображение молодого спартиата мгновенно распалилось. И пока он шагал до имения, бросая на нее долгие взгляды, совсем позабыл о том, зачем прибыл сюда.

Однако геронт, узревший его с балкона, быстро вернул сына к земным заботам.

– Здравствуй, Гисандр! – приветствовал его мудрый Поликарх, уже спустившийся вниз и ожидавший его, впрочем, по спартанской привычке не раскрывая объятий, а сложив руки на груди. – Я знал, что ты должен прибыть в скором времени.

– Как же ты узнал, отец? – ответил несколько обескураженный Тарас, останавливаясь у порога и слегка поклонившись. – Ведь еще недавно я и сам не знал, что вскоре прибуду в Спарту.

Илоты и периеки, хорошо знакомые геронту, замерли за спиной своего хозяина, опустив оружие на землю.

– Боги послали мне сон, – ответил геронт, улыбнувшись, отчего морщинистое лицо Поликарха перестало казаться излишне сосредоточенным.

Он направился в дом и взмахнул рукой, жестом приглашая сына за собой.

– В нем я видел великую битву и тебя в окружении тех самых машин, что мы создали с тобой тайком. И понял, боги говорят мне, что скоро ты вновь прибудешь сюда для великой цели...

Услышав это, Тарас резко остановился, едва не ударившись лбом о низкий дверной проем, – сон геронта так походил на тайные замыслы, о которых мог знать только царь и он сам, что в первое мгновение Тарас решил, будто у отца проснулся дар предвидения. Однако затем, прикинув варианты, допустил другую мысль, – а что если его папаша посвящен в дела царя Леонида настолько, что заранее знал о прибытии сына и его задании? Но, соблюдая тайные договоренности, не спешит сообщать Гисандру детали очередной операции Агиадов, которую они держали в секрете от второго царского дома и заодно от эфоров.

«Вдруг все же простое совпадение и мне примерещилось? – слегка озадачился Тарас, входя следом за геронтом в комнату, обставленную в истинно спартанском духе: низкий рубленый стол и пара ничем неукрытых скамеек. – Ладно, будущее покажет».

– А боги не сказали тебе случайно, зачем посылают меня в Спарту в тот час, когда все остальные воины бьются во славу Лакедемона у Дельфийских проходов? – поинтересовался, ухмыльнувшись, Тарас, но отец, казалось, не заметил лукавства.

– Нет, – проговорил геронт, усаживаясь на скамью у стены и поправляя гиматий, – но это был действительно странный сон. Полный неясностей. В нем персы сражались со спартанцами, но сражение происходило на море. И ты отчего-то плыл на корабле, вместо того чтобы биться с врагом на суше, как и подобает настоящему спартиату.

Тарас едва не раскрыл рот от все возраставшего удивления, присев напротив отца.

– Впрочем, – проговорил геронт, внимательно посмотрев на сына, – не будем заниматься гаданием. Для этого есть гарусники и авгуры. Может быть, Гисандр, ты сам расскажешь, что привело тебя в Спарту в это смутное время?

Тарас взял себя в руки, отогнав все подозрения, и решил сразу прояснить ситуацию. Уж больно много тумана напустил геронт, а Тарас любил ясность.

– О чём ты говоришь, отец? – переспросил он, словно только что до него дошел смысл сказанных геронтом слов. – О каком смутном времени? Разве такие бывают в Лакедемоне, где все давно живут по законам Ликурга и ничто не смущает этого порядка, заведенного нашими героическими предками.

Поликарх перевел взгляд сначала на небольшое оконце под потолком, сквозь которое падал луч света, разгоняя полумрак, царивший в доме даже посреди бела дня. Затем посмотрел на развешанные вдоль стены доспехи, но промолчал, помедлив с ответом. Казалось, ответ уже был готов слететь с его губ, но не слетел. Тогда Тарас был вынужден продолжить беседу сам.

– Царь Леонид послал меня сюда с поручением, – ответил Тарас.

– Надеюсь, это хорошие вести, – пробормотал Поликарх, отчего-то ставший задумчивым, – не хотел бы я, чтобы моего единственного сына постигла плохая участь.

Тарас невольно вздрогнул, вспомнив о судьбе Аристодема и Пантита – двух случайно выживших после Фермопильского сражения спартанцев⁸. Однако это случилось в той, другой жизни. А в этой, после вмешательства Гисандра, так и не произошло. Оба были еще живы. Реальность изменилась, но об этом никто и не догадывался.

– Царь хочет, чтобы я представал перед эфорами с рассказом о сражении и наших смертоносных орудиях, что отправили к богам столько персов.

Тарас подождал реакции отца, но ее опять не было. Поликарх сегодня был на удивление молчалив даже для спартанца. И Тарас решил, что возраст взял свое, старик просто разомлел от жары. Он даже не заинтересовался судьбой орудий, на которые положил столько сил и средств и за которые, кстати, вместе со своим сыном мог быть жестоко наказан теми же эфорами.

– Ты не слишком торопился, – проговорил наконец геронт, вновь поднимая глаза на сына, – недавно начались выборы новых эфоров. И тебе придется долго ждать, пока они примут тебя.

– Долго, – невольно повторил Тарас, не поверив своим ушам, – но ведь каждый день там, в Дельфах, умирают спартанцы. Я хотел вернуться туда как можно быстрее...

Он вдруг осекся и уточнил, словно вспомнив что-то.

– А давно начались эти выборы?

– Два дня назад, – ответил геронт, с удивлением посмотрев на Тараса, – тебе ли не знать, Гисандр, когда выбирают эфоров.

– А долго мне придется ждать, пока выберут новых эфоров и те смогут поговорить со мной? – отмахнулся Тарас от упрека. Несмотря на то что давно жил среди спартанцев, он не слишком следил за выборами новых эфоров. Они менялись каждый год, а цари оставались пожизненно. И Гисандр предпочитал быть ближе к царю.

⁸ После битвы у Фермопил «случайно» уцелели всего лишь двое спартанцев. Первый – Аристодем – покинул лагерь по приказу Леонида, так как страдал серьезным глазным заболеванием и не мог сражаться со всеми наравне. Вернувшись в Спарту, он встретил обстановку враждебности, несмотря на то что подчинился приказу царя. Его ожидало бесчестие и позор. Согласно Геродоту, «никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним». Чтобы вновь вернуть расположение сограждан, ему пришлось проявить героизм в битве при Платеях и впоследствии постоянно первым бросаться в бой. Другой спартанец, Пантит, был отправлен царем в Фессалию с поручением и тоже не принял участия в битве. По возвращении в Спарту его ожидал такой же позор и полная изоляция, не выдержав которой Пантит повесился.

— До следующей полной луны, — ответил геронт, удивленный такой забывчивостью своего сына, — только тогда, когда новые эфоры пройдут все обряды посвящения и принесут все клятвы спартанскому народу, их власть станет законной.

«Это что же, — подумал уже про себя Тарас, невольно вскакивая со скамьи и делая несколько нервных шагов по комнате, едва вспомнив о том, какой была луна прошлой ночью, — мне тут еще две недели торчать, а то и все три. Да в Дельфах за это время столько всего может произойти. А я тут должен просто сидеть и ждать. Вот угораздило! И ведь могли бы успеть, всего на два дня опоздал!»

Поликарх молча наблюдал за тем, как его сын нервно измеряет шагами небольшую комнату, не понимая, что его так взволновало. Подобный обряд проводился ежегодно и был всем хорошо известен. Но Тарас не обращал на отца сейчас никакого внимания, а геронт, чувствуя, что с сыном происходит нечто странное, не мешал его чувствам вырваться на волю. Но и не торопил.

И вдруг, когда Тарас вспоминал о том, как проходило плавание и как Клеандр отправлял тайных гонцов куда-то лишь по ему одному ведомым делам, Тараса посетила странная мысль. «А ведь он хотел, чтобы я опоздал, — вдруг подумал спартанец, вновь усаживаясь на скамью и едва не хлопнув себя по коленям, — зуб даю, хотел. Оттого и не торопился. Специально все рассчитал так, чтобы мы слегка опоздали. А теперь каждый день опоздания мне в неделю ожидания выйдет. Только вот зачем ему все это? Не мог сразу сказать, патриот хренов».

Тарас был обескуражен своими размышлениями и очень хотел бы обсудить это с отцом, но не знал, о чем ему стоит говорить, а о чем нет. Вроде бы с обеих сторон были друзья — пифий царя и отец-геронт. Но оба были облечены властью и могли вести свою игру, в которой Тарас был простой пешкой. И все же надо было кому-то довериться больше. В этой ситуации Тарасу были нужны союзники. И он решил довериться отцу.

— Честно говоря, отец, я не знаю, чего боги хотят от меня, — пробормотал он, поднимая глаза на Поликарха, — ты мудр, и мне нужен твой совет.

— Говори, — подбодрил его геронт.

— Я прибыл с письмом царя к эфорам, но не знаю, чего от них ждать. Разговор должен был пойти о Фермопилах и том оружии, что мы применили там впервые, рискуя прогневить богов, — начал Тарас неуверенно, но по мере того, как он говорил, уверенность звучала в его голосе все отчетливее, — Я готовился к этой встрече, но не очень — то хотел на нее попасть. Ведь эфоры хранят традиции старины и могли не одобрить того, что я сделал...

— Мы сделали, — поправил его Поликарх, усмехнувшись в бороду.

Тарас посмотрел на него с благодарностью, — отец, похоже, был готов разделить с ним его участия в случае «неудачи». А вариантов тут было немного.

— Но мне кажется, что у царя есть еще какой-то тайный план, которым он не желает делиться с эфорами, — выдавил из себя Тарас, — со мной прибыл Клеандр, который должен помочь мне как можно быстрее сделать новые орудия взамен разбитых персами. Он остался в царском имении, том самом, что мы с тобой «проверяли» когда-то в поисках мастеров. Там у Леонида целый завод, который может сделать множество баллист. Он гораздо быстрее справится с этой задачей, чем люди в нашем имении. И теперь Клеандр ждет от меня гонца с известием о моей встрече с эфорами.

Тарас помолчал, затем вновь встал и прошелся вдоль стола, выдержав паузу.

— Теперь ясно, что встреча состоится не скоро. Но, видят боги, царский пифий управляет нашим кораблем и не слишком торопился привести его в Спарту. Что же мне теперь делать, отец? Просто ждать?

Геронт молчал недолго.

— Зачем же терять драгоценное время, — изрек он, — если царь прислал с тобой Клеандра, значит, он уже решил действовать. Старые эфоры наверняка запретили бы тебе это, но... их власть кончилась.

Геронт весело подмигнул сыну.

— Значит, ты опоздал не зря. А новые эфоры еще официально не выбраны, и лишь богам известно, как они отнесутся к твоему оружию. Так что, если царю Леониду для победы над врагами Греции нужны орудия, Гисандру, то ты можешь начинать делать их прямо сейчас.

— Как, — воскликнул Тарас, не поверив своим ушам, — прямо сейчас?

— Ну конечно, сперва не забудь навестить Елену с ребенком, — добавил геронт, вставая и выходя на крыльцо. — Они будут рады тебе. Мальчик уже подрос. А затем, как побываешь в Пеллане, отправляйся в царский темен. И заодно можешь забрать туда всех мастеров, если Клеандру их не будет хватать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.